

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий Большаков

ПОЗЫВНОЙ: «ВАРЯГ»

Спасти Севастополь!

The book cover features a dramatic scene where a Soviet military aircraft, marked with a red star, is flying over the Statue of Liberty. A bright energy beam is being fired from the plane towards the statue, which is surrounded by a glowing aura. The background shows a cityscape with green trees and buildings under a blue sky.

Валерий Петрович Большаков
Позывной: «Варяг».
Спасти Севастополь!
Серия «Военно-
историческая фантастика»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21554949

Позывной: «Варяг». Спасти Севастополь! / Валерий Большаков: Эксмо :

Яуза; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-90734-2

Аннотация

НОВЫЙ военно-воздушный боевик от автора бестселлеров «Позывной: “Колорад”», «Позывной: “Москаль”» и «Диверсант №1». Наш современник становится лучшим асом Сталина. Заброшенный на Великую Отечественную, «попаданец» переламинает ход войны.

Но после Победы над Гитлером ему предстоит новый бой – теперь уже на Тихом океане, против бывших союзников-американцев и под новым позывным: «Варяг».

Ему суждено громить военно-морские базы в Перл-Харборе и Скапа-Флоу, бомбить Стамбул, Лондон, Лос-Анджелес, Нью-Йорк и лично арестовывать «поджигателя войны» Черчилля.

Но сможет ли лучший «сталинский сокол» спасти Крым от американских «Летающих крепостей», несущих атомную бомбу?..

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	36
Глава 4	49
Глава 5	62
Глава 6	70
Глава 7	83
Глава 8	92
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Валерий Большаков Позывной: «Варяг». Спасти Севастополь!

© Большаков В.П., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

Медведь и Дракон

Москва, Кремль, 16 апреля 1945 года

Дымные шнуры пулеметных трасс прочертили небо. Мимо. Показались три девятки «Юнкерсов», направлявшихся Минск бомбить. Их сопровождали «мессеры».

– Я – Москаль, – сказал Рычагов мужественным голосом. – Группа, набираем высоту.

«Мигари» полезли вверх.

– Командир! «Худых» – восемь штук!

– Выбирайте!

– Я – Хмара. Предлагаю – ша!

– Идем с набором. «Соколиный удар» помните?

– Разучили, командир!

– Сейчас сдавать будете...

«Мессершмитты» по-прежнему держали строй – четверка ниже бомбовозов, четверка – выше. Они как будто в упор не видели всяких там «МиГов».

Рычагов усмехнулся неласково. Ну-ну...

– Я – Москаль! Четверка Баукова атакует ведущего передней девятки. Остальные – за мной. Бьем тех «мессов», что сверху.

– Есть!

Группа разделилась надвое и красиво заскользила, срываясь в крутое пике. Лишь теперь «мессеры» заволновались, потянули вверх. Поздно!

Разогнавшись почти до шестисот в час, жилинский «МиГ» выдал короткую очередь, разнося мотор завывавшему «Мессершмитту». Немец еще метров двадцать пролетел по инерции, разваливаясь, после чего опрокинулся брюхом кверху и понесся к земле. Прах к праху.

Литвинов, который шел у Павла ведомым, тоже не промахнулся, вогнав ха-арошую порцию пуль крупного калибра в кабину «мессера», снося ее до самого гаргрота. «Худой» свалился на крыло, и следовавший за ним «мессер» едва увернулся, подставляя борт. Рычагов «на автомате» выпустил очередь, буквально в упор. Мимо промелькнул узкий фюзеляж «Мессершмитта», изъязвленный дырищами, и полыхнуло огнем из пробитых бензобаков.

– Есть!

– Чельшев, держись! Уходи со снижением! Всем смотреть в оба – меняйте профиль пикирования!

– Афоня! Смотри хвост!

– Внимание, группа. Идем с набором.

– Хмара, сзади сверху еще двое. Разворот!

– Рыба, уходи под нас.

– Дядя Миша, отбей!

– Уже!

– Пятый, набери еще метров триста.

– Я Пятый, принял.

– «Худые» на хвосте! Отсекай!

– Я – Бауков, атакуем вторую девятку. Бью ведущего.

«Афоня», бей левого замыкающего, «Рыба» – правого.

Рычагов набирал высоту и не видел, что там творится с «Юнкерсами».

– Бауков, как успехи?

– Сбили ведущего, командир! И вся девятка ихняя расползлась, бомбы валят прямо в лес!

– Спускайте всех!

– Эт-можно!

– Коробков! Сзади!

– Твою ма-ать...

– Что там?

– Сбили Коробка!

– Ах, ты...

Рычагов, набрав достаточную высоту, «уронил» самолет – тот понесся вертикально вниз, наращивая скорость с каждым метром. Чувствовалась невесомость, а в прицеле проплывала туша бомбардировщика. До нее было еще далеко, метров триста, но Павел вжал гашетки – если сверху вниз бить, пули не должны растерять убойной силы.

Левое крыло «Юнкерса» испятнали попадания, потек дым из пробитого бензобака, пыхнуло пламя, занялось...

Но Рычагов уже не смотрел на подбитого бомбера, он провожал глазами «мигаря», косо идущего к земле, стелившего

за собой клубистый черный шлейф...

...На экране зарябили значки – пленка кончилась, и в зале зажегся свет. Он был совсем маленький, этот кинотеатр на двадцать мест, зато находился в Большом Кремлевском дворце.

Сталин расположился в первом ряду, попыхивая папиросой – укреплял здоровье, отказавшись от знаменитой трубки.

Первая серия «Грозового июня» закончилась...

– Как вам кино, товарищ Рычагов? – спросил вождь и затянулся, щуря рысьи глаза. – Герой на вас похож – и лицом, и повадками.

– Единственно – пафосу многовато, – проворчал Жилин.

Когда бандеровцы убили его, Ивана Жилина, в 2015-м, а он очнулся в 1941-м, в теле Павла Рычагова, то трудно было представить себе, что к этой невероятии вообще можно привыкнуть. Приспособился, однако...

– На вас не угодишь! – фыркнул Сталин.

Вполне, впрочем, добродушно. Хотя с самого утра Иосиф Виссарионович был весьма озабочен.

5 мая 44-го отгремел салют Победы, а нынче на дворе апрель 45-го. Вся Германия в руинах, покорившаяся советскому солдату. Живи да радуйся! Ан нет.

– Черчилль грозился пойти на нас войной прошлым летом, – проговорил вождь. – Уже и осень прошла, и зима...

Иван кивнул.

– Не думаю, что наши brave союзнички решатся на военные действия, – сказал он, – пока мы не пособили им с Японией. Без нас им еще год пурхаться, как минимум. Но стоит только микадо задрать лапки вверх, англосаксы тут же забряцают оружием.

Сталин докурил и потушил папиросу в пепельнице.

– Товарищ Рычагов, а вас не удивляет... хм... как медиума, что и *тогда*, и сейчас Черчилль вынашивал одну и ту же операцию – «Немыслимое»?

Жилин пожал плечами.

– Надо полагать, что «жирный бульдог» обдумывал «Немыслимое» с 43-го. Вот только в иной реальности, когда мы победили 9 мая 45-го, Черчилль с Трумэном не отважились на войну с СССР. Драться с Красной Армией из-за какой-то там Польши? Да хоть вся Восточная Европа на кону – это слишком мелко. И опасно. Но теперь-то мы оккупировали всю Германию, полностью, а не одну лишь ее восточную часть. И половина Франции под нами, и вся Италия. Мы слишком изменили баланс сил, обеспечив соцлагерю перевес, а с этим ни в Лондоне, ни в Вашингтоне не смирятся.

Иосиф Виссарионович построжел.

– Следовательно, войне быть.

– Да, товарищ Сталин. Был бы жив Рузвельт, он бы сдержался, поскольку обладал умом. Но у Трумэна просто руки чешутся сбросить на кого-нибудь атомную бомбу. Нас он презирает, считает азиатами, не способными создать ядер-

ное оружие. Гарри забывает, правда, что в Манхэттенском проекте первую скрипку играли немцы – Оппенгеймер, Эйнштейн и прочие. Американцы там были на побегушках.

Вождь усмехнулся, затем нахмурился, но не по причине геополитических неурядиц – он уже выкурил свою норму. Еще одну сигарочку? Только одну, и все...

Вздыхнув, Сталин вытащил из коробки «Герцеговины-Флор» папиросу. Последнюю на сегодня.

Неторопливо закурил, затянулся, с удовольствием вбирая ароматный дым. Поглядев на часы, вождь сказал:

– Вячеслав прибудет ровно в одиннадцать, с докладом по Японии. Ви нам можете понадобится, товарищ Рычагов...

Иосиф Виссарионович подал знак, и свет померк. На экране пошли титры. «Грозовой июнь». Вторая серия.

* * *

Прогуляться после «киносеанса» было даже приятно. Весенняя ночь окружала темнотой и зябкой прохладой. Шум московских улиц почти не доносился, заглушенный кремлевскими стенами. Жилин ступал неторопливо, с удовольствием вдыхая свежий воздух – кто не воевал, не поймет всю прелесть пешей прогулки.

Никакой тебе стрельбы и напряжения, ни пронзительного «ветерка смерти», пускающего холодок по спине, ни металлического привкуса опасности на губах. И сердце не тарахтит,

как сумасшедшее, и ладони не потеют...

Пару лет, и все это пройдет, затянется новыми впечатлениями, а видения памяти обретут смутность. Иван вздохнул.

Он единственный в СССР, кто прошел две войны подряд – ту, долгую и кровавую, длившуюся невыносимые пять лет, и эту, что покороче. Опыта хапнул на двоих...

Сталин шагал рядом, погруженный в свои мысли.

– Помнится, товарищ Рычагов, «дух» сообщал об урановых бомбах, сброшенных американцами...

– Да, товарищ Сталин. На Хиросиму и Нагасаки.

Иосиф Виссарионович кивнул.

– Мы считаем, что Трумэна надо остановить в любом случае, подружимся ли мы с Японией или нет. Это не война, это военное преступление. Вот только дипломатией здесь не обойтись...

– Будем сбивать, товарищ Сталин.

– Разведка работает, мы в курсе того, насколько продвинулись американцы, насколько они готовы к ядерной бомбардировке. Вас, товарищ Рычагов, мы поставим в известность за двадцать четыре часа до начала атаки. Пароль «Черный свет», запомните.

– «Черный свет», – серьезно кивнул Жилин.

Подойдя к подъезду «уголка» – особого сектора в здании Совнаркома – вождь сказал:

– Поднимайтесь, товарищ Рычагов. Мне нужно.

– Да, товарищ Сталин.

Вождь прошествовал на первый этаж, где располагалась его кремлевская квартира, а Жилин миновал пропускной пункт охраны.

– Здравия желаем, товарищ маршал! – вытянулись бдительные стражи.

Иван небрежно козырнул и по широкой каменной лестнице, устланной красной ковровой дорожкой, поднялся на второй этаж.

С лестничной площадки, преодолев большую, совершенно пустую залу, Жилин свернул направо, шагая длинным коридором, упиравшимся в дверь сталинского кабинета, всегда закрытую.

Справа находились еще две двери. Иван открыл первую из них, попадая в «предбанник» – небольшую, продолговатую комнату. Тут размещался секретариат – прямо перед входом, в простенке между окнами, выходящими на Арсенал, сидел за столом генерал Власик, начальник охраны. Слева и справа от него стояли столы помощников Сталина – генерала Поскребышева и полковника Логвинова, всегда ходившего в штатском.

Пожав руку Власику и приветливо кивнув остальным, Жилин сказал:

- Хозяин зашел к себе и скоро будет.
- Да-да, – ответил генерал, – мне уже доложили.
- Проходите, товарищ Жилин, – тихо проговорил Поскребышев, поднимаясь из-за стола.

Иван кивнул и переступил порог комнаты офицера охраны.

Все трое были на посту и бдели – полковники Пономарев, Горбачев и Харитонов.

Жилин поздоровался и сдал оружие. Открыв дубовую створку, он шагнул в пустой кабинет Сталина.

Здесь было тихо, только размеренно щелкал маятник больших напольных часов. Иван медленно прошелся, оглядывая обстановку, ставшую для него привычной – стены, обшитые высокими дубовыми панелями, длинный стол для заседаний, гипсовую посмертную маску Ленина на особой подставке, накрытую стеклом, портреты Ленина и Маркса, Суворова и Кутузова.

Остановившись у окна, за которым виднелся Арсенал, подсвеченный фонарями, Жилин задумался.

Сталин благоволил ему, он снова, можно сказать, в фаворе. На доверии. Иван поморщился. Господи, о чем он только думает? При чем тут это? Фаворит нашелся...

Сталин – вождь, а не царь-государь. Он олицетворяет державу, которую создал на обломках Российской империи, и думает прежде всего об СССР. Но Иосиф Виссарионович тоже человек, обычный смертный, которому свойственно ошибаться. Кого-то он удаляет от себя, кого-то приближает, но и тут мерилом благоволения выступает не личная преданность и сумма лести, а верность Родине, готовность служить Советскому Союзу. И вот тут-то...

Иван прислонился лбом к холодному стеклу окна и закрыл глаза. Ох, как же это тяжело – пророком быть...

Он никому еще не признавался в том, кем на самом деле являлся. Всего трое человек – Сталин, Берия и Молотов – посвящены в тайну, да и то наполовину. Они считают Рычагова тем, за кого Жилин себя выдает. Медиумом, вызывающим дух ветерана войны, убитого в 2015-м. Пусть так и будет, не надо усложнять жизнь себе и людям...

Это «дух» передал свое знание будущего. Сталин поверил – и победил. Война закончилась на год раньше, в ней пало почти пятнадцать миллионов наших и более одиннадцати миллионов немцев. Потери страшные, если не сравнивать с тем, что было «в прошлой жизни».

Недельки через две, 5 мая, можно будет отмечать первую годовщину Победы. И что теперь?

На его-то памяти шла «холодная война», империалисты так и не решились развязать «горячую», побоявшись увязнуть в кровавой каше. Зато сейчас, похоже, Черчилль и Трумэн переступят через свой страх...

Запад просто не в состоянии принять послевоенный мир, в котором бытуют Народная Республика Италия и ГДР. Норвегию с Данией можно не считать, но вся Восточная Франция пока что занята советскими войсками. Президентом в Париже станет генерал де Голль, но при одном условии – если в кресло премьера усядется Морис Торез, глава компартии.

А так и будет! Секретные переговоры удались...

Вопрос: смирятся ли в Лондоне и Вашингтоне с тем, что Берлин, Рим, Вена, Париж, Копенгаген, Осло, Варшава станут прислушиваться к мнению Москвы? Ответ отрицательный...

Так что же он натворил, медиум недоделанный? Помог родной стране победить в войне с Гитлером, спас миллионы жизней? А для чего? Чтобы погубить их в боях с мировым империализмом?

– Спокойствие, – прошептал Жилин, – только спокойствие!

Заслышав шаги, он отпрянул от окна.

В кабинет вошел Сталин, за ним поспешал Молотов. Наркоминдел, как всегда, был деловит и суховат. Больше всего он напоминал Жилину пана Вотрубю из «Кабачка “13 стульев”». Церемонно кивнув Ивану, Молотов заговорил:

– Товарищ Сталин, наши уполномоченные выезжали в Японию, где встречались с министром армии Сюнроку Хата, премьер-министром Хидэки Тодзио и министром иностранных дел Мамору Сигэмицу. Эти трое, можно сказать, главных японских милитариста донесли наши предложения до императора Сёва¹...

– Какие именно?

– Уполномоченные твердо держались курса, выработанного нами, – дескать, союзники толкают Советский Союз

¹ Сёва – тронное имя императора Хирохито.

на захват Маньчжурии, Южного Сахалина, Курил и острова Хоккайдо. Наши предложения сводятся к тому, что СССР не станет отвоевывать Курилы и Сахалин, вообще не будет вторгаться на территорию Японии, но требует вывести Квантунскую армию из Маньчжурии...

Сталин хмыкнул в усы:

– Ну, уж с вояками императора Пу И² мы как-нибудь справимся!

– СССР также не будет вмешиваться в события, происходящие в Корее, – продолжил Молотов, – на Тайване, в Китае и на Тихом океане. Более того, мы готовы обеспечить поставки в Японию леса, руды, угля, нефти и оружия – танков, самолетов, орудий и прочего. От нас не убудет, а списанные «Т-34» или «Ил-2» могли бы резко изменить ход войны на Тихом океане, ибо то оружие, которым ныне воюют японцы – часто старье и ломь. В этом случае Америка и Англия будут вынуждены перебросить войска и флот на Дальний Восток, ослабив свои позиции в Европе.

– Иначе говоря, мы предлагаем микадо открыть второй фронт.

– Да, товарищ Сталин. Отмечу, что император Японии весьма серьезно откликнулся на наши предложения и направил в Москву своего личного представителя, барона Саваду. Барон не вышел в большие чины, оставаясь «кайгун-тайи», капитан-лейтенантом императорского флота, но пользуется

² Пу И – верховный правитель Великой Маньчжурской империи.

полным доверием микадо.

– И где он?

– Здесь, товарищ Сталин. Дождается.

– Пусть войдет.

– Товарищ Сталин... – Молотов бросил острый взгляд на Жилина. – Барон хотел встретиться не только с вами, но и с товарищем Рычаговым.

– Вот как? Его желание исполнится. Просите.

Вскоре в дверях появился Поскребышев, а за ним в кабинет проскользнул средних лет японец, одетый в штатское, но с выправкой кадрового офицера.

Жилистый, широкоплечий, с темной щеткой усов под вздернутым носом, барон Савада, чудилось, таил в себе опасную силу – она угадывалась во вкрадчивых, точно рассчитанных движениях, в цепком взгляде, в скупой усмешке, изредка оживлявшей бесстрастное лицо.

Войдя, барон низко поклонился и заговорил по-русски удивительно чисто, лишь изредка «рэкая»:

– Господин Старин, позвольте пожелать вам благополучия.

Сталин сделал приглашающий жест:

– Присаживайтесь, господин барон. Обойдемся без пышных церемоний.

Савада поклонился и сел.

– Мой император передал свое хотение жить с великим соседом в мире и согласии.

– Мы хотим того же.

Барон повернулся к Жилину:

– Маршал Рычагов? Мы встречались с вами на войне...

– В Китае? – прищурился Иван.

– Да, это было в Нанкине. Тогда мы быри врагами, но я очень хочу, чтобы врагами Ямато оставались амэ... простите, американцы. Разбив армии Гитлера, вы доказали, что русские – великие воины. И я хочу спросить вас как русского офицера: если между Японией и Советским Союзом не будет мира, то чем вы надеетесь победить императорскую армию? Ведь ваш Тихоокеанский флот гораздо слабее нашего.

Иван усмехнулся. Глянул на Сталина, перехватил его кивок и заговорил:

– Господин барон, если начнется война с Японией, кораблям Тихоокеанского флота даже не придется покидать порт приписки. Все начнется с того, что на аэродромы в Приморье перебросят бомбардировщики «Ту-10», «Ту-2», «Пе-8М». Каждую ночь и каждый день они будут вылетать и сбрасывать бомбы на Токио, Йокогаму, Осаку, Нагою, Киото... Три девятки «Ту-10» – это четыреста с лишним тонн бомб за вылет, а боеприпасов у нас столько, что девать некуда! Что касается флота... Для того чтобы потопить даже такое чудище, как линкор «Ямато», потребуется десяток бронебойных бомб-пятитоннок или штук шесть планирующих радиоуправляемых бомб типа «Чайка-500». При этом никакие зенитки или перехватчики ничего «Ту-10» сделать не смогут –

бомбардировщик летит на высоте тринадцати с лишним тысяч метров. Лично я летчик-истребитель и знаю, каких делов может наделать авиация на суше. Мы способны устроить вашей Квантунской армии ад на земле – будем бомбить склады и казармы, расстреливать из пушек и пулеметов колонны пехоты, подрывать реактивными снарядами бронетехнику. Уверяю вас, господин барон, для того, чтобы – выражаясь газетным слогом – освободить Маньчжурию от японских захватчиков, нам хватит недели-двух. Вопрос в другом: зачем? Зачем нашим бойцам, разгромившим гитлеровские полчища, гибнуть «на сопках Маньчжурии»? Чего для?

Барон Савада тонко улыбнулся.

– Для того, чтобы обеспечить Советскому Союзу выход к незамерзающему порту Дарьен. К Дальнему.

Иван легонько похлопал в ладоши.

– Bravo, господин барон! Но разве этого нельзя добиться без жертв с обеих сторон? Коли уж вы настолько проницательны, то, думаю, не станете подозревать нас в желании натравить японцев на американцев и англичан? Да, война на Тихом океане для нас выгодна. Но почему? Единственно – «амэ» такие же враги нам, как и вам! Отчего же тогда не объединить усилия и не дать отпор сообща? Если Москва вступит в войну с Токио, это порадует Вашингтон и Лондон, а я не хочу доставить им такое удовольствие.

Откинувшись на спинку стула, Жилин смолк. Сталин благожелательно покивал и глянул на Саваду.

– Господин барон, – мягко проговорил он, – русский медведь в союзе с японским драконом способен ошипать американского орла и снять шкуру с английского льва.

Японец встал и поклонился.

– Я порностью удовлетворен, господа, и надеюсь, что его величество император заключит такой союз.

Проводив посланника микадо, Сталин пригласил соратников поужинать на «ближней даче» в Волынском. Им было что обсудить и за что выпить.

Контр-адмирал Матомэ Угаки:

«С самого начала я пришел к заключению, что японские вооруженные силы, вместо того чтобы возвратиться к оборонительной стратегии, что позволило бы противнику взять инициативу в свои руки, по-прежнему должны вести наступательные действия. Что же касается направления наступления, то здесь существуют три основные возможности: наступление на Австралию, Индию или на Гавайские острова. Я отдаю предпочтение наступлению на Гавайские острова, которое следовало начать предварительными операциями по захвату островов Мидуэй, Джонстон и Пальмира. Десантные операции против Гавайских островов необходимо начать сразу же, как только соответствующие военно-воздушные силы будут переброшены на эти передовые базы. Следует заметить, что в гавайские воды требовалось

бы направить главные силы Объединенного флота прежде всего для прикрытия и поддержки сил, осуществляющих захват Гавайских островов, а также для того, чтобы они вступили с флотом Соединенных Штатов в решающее сражение...»

Глава 2

Перегон

Москва, 18 мая 1945 года

Прошел апрель, уже и половина мая минула, а от японского императора ни слуху ни духу.

Сингапур, Гонконг, Восточный Китай, Бирма, Голландская Ост-Индия, Новая Гвинея, Соломоновы острова, Филиппины, Индокитай, Бали и Тимор – Японская империя расширялась и расширялась, крышуя «восемь углов мира».

Тонули английские крейсера, сокрушительный разгром Тихоокеанского флота США в Пёрл-Харборе потряс всю Америку, а японцы вдобавок двинулись на Аляску, оттяпав для начала Алеутские острова.

В 1942-м подданные императора Хирохито уничтожили всю авиацию англичан и американцев в Юго-Восточной Азии и приступили к налетам на Северную Австралию.

Однако уже в 43-м случился сбой – США достроили новые корабли, и японцы стали нести ощутимые потери. Только в сражении у атолла Мидуэй флот Ямато лишился четырех авианосцев.

Летом того же года американцы вернули Алеуты, в 44-м отвоевали Марианские, Маршалловы, Соломоновы и Каролинские острова. В Бирме японцы начали наступление на

Индию, однако после четырехмесячных боев оно окончилось полным провалом.

Осенью 44-го войска США высадились на Филиппинах, потопив три японских линкора и десяток крейсеров. Короче говоря, «амэ» обеспечили себе подавляющее превосходство в кораблях и самолетах, а это означало, что теперь самураи будут лишь отступать. Огрызаться, атаковать – и отступать, пока не потеряют все захваченное.

В начале 45-го США захватили Окинаву, а с марта начали бомбить японские города – «летающие крепости» Б-29 взлетали с аэродромов на захваченных островах. Дело близилось к развязке, хотя американские генералы рассчитывали одолеть Японию не раньше 1947 года.

Если империя так и не решится на альянс с СССР, Сталин даст ход плану «Б» – объявит войну Стране восходящего солнца, как им было обещано в Тегеране.

Думая об этих интересных вещах, Жилин сидел на маленькой кухоньке своей роскошной квартиры в «Доме правительства» и дул чай с баранками.

Самовар был старый, с «орденами». От пузатенького китайского чайничка исходило «вкусное» благоухание крепкой заварки, а труба Ивана и вовсе умиляла – для нее в стене имелось особое отверстие.

Развалившись на венском стуле, Жилин подумал вдруг, что ему, ежели хорошо подумать, исполнилось сто лет.

Ему – это кому? Не телу же, верно? Престарелый орга-

низм Ивана Федоровича Жилина, полковника в отставке, давно уж истлел. Но человек – это не кишки, не легкие с почками и даже не «маленькие серые клеточки», а то таинственное, почти неуловимое содержимое мозга, именуемое душой.

Иван всегда был и оставался атеистом, не верил в рай и прочие поповские сказки, однако есть нечто, что не оспоришь и отчего морозно делается – он умер четыре года назад, 10 мая 2015 года. «Но вот же я! Живой!»

Господи, сколько необыкновенного и небывалого случилось в его жизни, и до чего же трудно порой не помнить об этом, быть как все, радоваться преходящему житию и ни о чем не думать!

К счастью, молодой организм Рычагова – в возрасте Христа! – «забивал» старперские повадки, как мощный источник помех...

Зазвонил телефон. Кряхтя, Жилин поднялся, пальцами ног нащупывая разношенные тапки, и прошлепал к телефону, поднял дребезжащую трубку.

– Алё?

– Товарищ Рычагов? – прозвучал холодный и вежливый голос Новикова, Главного маршала авиации и Главкома ВВС. – Решением Политбюро и Ставки Верховного главнокомандования вы назначены командующим ВВС 1-го Дальневосточного фронта.

...Еще в 43-м авиаконструктор Гудков предложил проект истребителя «Гу-ВРД» с турбореактивным двигателем Архипа Люльки. И дело пошло³.

Образовалась настоящая «могучая кучка», вдохнувшая новую жизнь в хиревший Реактивный НИИ – Люлька, Королев, Климов, Глушко, Кузнецов и прочие «друзья парадоксов».

Здесь испытывали крылатую ракету КР-212, гоняли на стендах реактивные двигатели, а нынче ковырялись в немецких «Фау-2», вывезенных из Пенемюнде со всей документацией, комплектуемыми и самими конструкторами.

Жилин частенько захаживал сюда, передав однажды со-секретные сведения, якобы добытые разведчиками – дескать, компрессор в ТРД должен быть осевым, а лопатки турбины нужно делать со сверлениями для лучшего охлаждения... Ну, и так далее.

Многого он вспомнить не мог по той причине, что не знал. Полковник Жилин летал на реактивных «МиГ-15» и «МиГ-21», не разбираясь в тонкостях конструкции.

Впрочем, переживал он зря: Архипу Люльке, Сергею Королеву и иже с ними достаточно было дать толчок, создать

³ Но не в нашей реальности, к сожалению. После Победы нам пришлось договариваться с Западом по части реактивной авиации. Перегнали помаленьку...

условия, поверить, настроить – и дело, как уже говорилось, пошло.

Иногда Ивану становилось не по себе – чудилось ему, что сорвется, не вытерпит смешения жизни былой и сущей ныне, запутается в памяти о прошлом и будущем. Но ничего, голова не болела, сознание не плыло, четко разделяя жизнь на прошлую, прожитую им сполна, и на ту, которую неведомые силы дали прожить во второй раз.

Наверное, здоровье душевное помогали сохранить перемены к лучшему и то, что он сам приложил руку к «смене вех».

Вон, взять ту же реактивную авиацию. Любому конструктору перед войной было ясно, что поршневые моторы полностью себя исчерпали. Чтобы самолет, толкаемый винтом, мог достичь скорости в тысячу километров, было необходимо увеличить мощность двигателя в шесть раз! А это было совершенно немислимым предприятием.

И вот немцы распробовали турбореактивный привод. За ними потянулись англичане. И в СССР нашлись умные головы, вот только развернуться им не дали – Яковлев ревниво давил, осаживал таланты, не позволяя пробиться новому, даже вопреки жизненно важным стратегическим интересам государства.

А теперь осадили – и посадили! – самого Яковлева. И дело пошло!

Еще в 43-м испытали прототип реактивного «МиГ-9»,

весной 45-го взлетел первый «МиГ-15».

И теперь, подъезжая к аэродрому в Кратово, Жилин поневоле улыбался – рев и свист моторов звучали, как сладчайшая музыка.

Это подавала голос реактивная авиация Страны Советов. «ЗИС» вывернул к двум новеньким ангарам, остановился, качнув передком.

– Подождешь меня, – сказал Иван водителю, ушастому сержанту.

– Так точно, товарищ маршал!

Иван покинул машину, поправляя фуражку, и осмотрелся. На стоянке в рядок выстроились новенькие «МиГ-9» – еще с прямыми крыльями, но уже с носовой стойкой шасси, и стабилизатор поднят высоко, подальше от сопла, а в носу зияет воздухозаборник. Классика!

Две пушечки Н-23, почти в дюйм калибром, и одна 37-миллиметровая Н-37. Гермокабина, катапультируемое кресло – все как полагается⁴.

А главное – это скорость. 910 кмэ в час!

Для летчиков-истребителей из «родного» 122-го ГИАП подобные цифры стали главной «заманухой». Ради того, чтобы ощутить разгон чуть ли не до тысячи километров, пилоты легко одолевали робость перед новой техникой.

Полковник Алхимов нарисовался тут же: вытянулся во фронт, отдал честь – и оскалился в тридцать два зуба.

⁴ В нашей реальности пилот «МиГ-9» пользовался обычным парашютом.

– Здравия желаю, товарищ маршал!

– И тебе не хворать. Осваиваете?

– Так точно!

– Подготовь мне самолет.

Комполка напрягся.

– Това-арищ маршал...

– Коля, – мягко сказал Жилин, – «МиГ-9» я знаю лучше любого из вас, можешь мне поверить.

Алхимов поверил.

Иван был не при параде, довольно было фуражку на шлем сменить. Он забрался в кабину «мигаря» и почувствовал холодок отрады.

– Товарищ маршал, – бубнил комполка, – вы на взлете нос плавно поднимайте, чтобы килем не удариться. И высоту набирайте аккуратно...

– ...Избегая больших углов подъема, – подхватил Жилин, сохраняя терпение. – Знаю, заботливый ты наш. Я скоро.

Бензиновый движок «Ридель» прожужжал, запуская ТРД, и родился такой знакомый, полузабытый, сиплый свист турбины. Иван улыбнулся.

Вырулив на ВПП, он разогнал машину и поднял ее в воздух.

Гул наполнял истребитель, а тяга слабоватого мотора толкала «МиГ» все выше, и выше, и выше.

Ничего... Это лишь первая проба сил.

Даже такой несовершенный, с паршивенькой маневренно-

стью, «МиГ-9» получился лучшим, чем заокеанский Ф-80 «Шутинг стар». А «МиГ-15» и вовсе вещь...

Повертевшись в небе, попортив нервы Алхимову «выкрутасами», Жилин посадил «мигарь» – аккуратно, на три колеса.

Зарулив на стоянку, он покинул самолет – пилоты уже сходились и сбегались. Иван еще сверху, из кабины, оглядел однополчан – знакомые все лица...

Вон солидный, основательный Бауков, жизнерадостный, всегда готовый схохмить Аганин, простодушный с виду хитрован Цагайко, серьезный, строгий даже Афонин, рассудительный и осторожный Маркелов, порывистый Голобородько... Все свои.

– Привет, бойцы! – ухмыльнулся Жилин.

– Здравия желаем! – заголосили пилоты.

Иван спустился на бетон аэродрома, содрал шлем и пригладил влажные волосы.

– Я не просто так заявился, поиграться, – сказал он. – Тут у нас война намечается...

– С американцами? – встрепнулся Алхимов.

– Пока с японцами, – усмехнулся Жилин.

Комполка был разочарован.

– Тю-ю... А что с ними биться-чикаться? Раз, раз – и в дамки!

Иван покачал головой:

– Кто в Китае воевал, тот знает – японцы умеют вое-

вать. Мало того, среди них хватает фанатиков. Слыхали про камикадзе? Это пилоты-смертники. Набивают свои самолеты взрывчаткой и направляют на какой-нибудь английский крейсер или американский авианосец. Ба-бах! – и всего делов. Правда, воевать мы будем в Маньчжурии...

– Опять освободить? – пробурчал Цагайко.

Аганин хлопнул комэска по плечу.

– Хохол! – сказал он, делано вздыхая. – Что тут еще скажешь? Коле дюже не понравилось, что мы Польшу себе не забрали!

– Правильно, – заворчал Цагайко, – а чего зря воевать? Да еще за эту сволочную шляхту!

– Хочу тебя успокоить, – улыбнулся Жилин, – Маньчжурию мы себе оставим.

– О, вот это дело! – сразу возбодрился ком-эск. – Это я понимаю!

– Единственно – молчок.

– Само собой!

– В общем, мужики, готовьтесь к перегону. Меня назначили командовать авиацией на 1-м Дальневосточном фронте – это в Приморье. С одной стороны – Японское море, с другой – Маньчжурия. По ней и ударим!

* * *

Еще с зимы на всем протяжении Транссибирского пути

шли работы – магистраль чинили, готовили подвижной состав и паровозы, тысячи машинистов и паровозных слесарей перебрасывали с запада на восток. А с марта месяца начались перевозки.

Сроки товарищ Сталин поставил жесткие: к июлю на Дальнем Востоке должны быть развернуты три общевойсковые и одна танковая армии, несколько механизированных и артиллерийских соединений.

Трудностей было навалом – советское Приморье или Забайкалье славились нехоженными – и неезженными! – просторами, где Транссиб, по сути, являлся единственной дорогой. Остальные «шоссе» больше напоминали направления, а приморские, те, после муссонных июньских ливней, были хоть и местами, но непроходимы.

А надо было и полевые фронтальные склады разместить, и армейские, и людей, и технику. Задача!

А рядом, через границу, условия были куда как лучшими – в районах дислокации Квантунской армии хватало и дорог, и военных заводов. Четыреста аэродромов! А в тылу – более восьмисот складов и хорошо оборудованные военные городки на полтора миллиона человек. Есть где разгуляться!

Авиаторам ВВС РККА тоже приходилось туго. Тыловые части 8-й воздушной армии⁵ прибыли на линию фронта первыми. Это были РАБы – районы авиационного базирования,

⁵ В нашей реальности на 1-м Дальневосточном фронте воевала 9-я воздушная армия.

каждый по пять батальонов. А еще батальоны аэродромного обслуживания, отдельные автобатальоны, отдельные инженерно-аэродромные батальоны, технические команды и прочий служивый люд. Они готовили летные поля вдоль границы, запасали топливо, боеприпасы, запчасти. В общем, та еще работенка.

Самолеты стали перегонять в начале июня. Участок полета от Москвы до Казани был самым простым, а вот дальше приходилось лететь, пользуясь «компасом Кагановича» – вдоль железнодорожных путей. Запасные аэродромы находились в дефиците, но части 8-й воздушной не потеряли ни одного самолета по дороге – Жилин изрядно, с толком и расстановкой погонял техников, механиков и самих пилотов, так что вся матчасть была исключительно в хорошем техсостоянии. Ну, а с теми, кто допускал, чтобы ТС было не совсем Х, маршал легко расставался – лодырей и жопоруких коекакеров он терпеть не мог.

* * *

...Наверное, только из космоса можно было рассмотреть огромные пространства дальневосточных степей и таежных дебрей, где ночью калились огоньки всего нескольких городов.

Лишь с орбиты сосчитаешь коробочки танков и БМП, чье число медленно росло у границы с Великой Маньчжурской

империей, как пышно именовалось марионеточное государство между Монголией и Приморьем, между Амуром и Желтым морем.

Неделя за неделей «набухали» военные лагеря, городки и базы. Все оживленней становилось движение по рокадным дорогам. Серебристыми роями перелетали самолеты. Пуша усы пара, распуская султаны дыма, пыхтели паровозы, волоча за собою воинские эшелоны.

Копились силы.

Скручивалась пружина.

СССР сосредотачивался.

А. Белобородов, генерал, командующий 1-й Краснознаменной армией:

«...Очень интересен был дневник, найденный на заставе Куйтунь. Его автором был рядовой солдат. Это была карманного формата записная книжка с тисненными золотом иероглифами: «Дневник священной войны». Под датой «7 декабря 1941 года» (нападение японского флота на американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харборе) этот солдат записал: «Началась великая Восточно-Азиатская война. Незабываемый день!» На первой странице наклеена фотография летчика-смертника из отрядов «специальной атаки» (камикадзе), далее фотографии японского императора, Гитлера и Геббельса, вырезанные из газет карты «ве-

ликой Восточно-Азиатской сферы совместного процветания», в которую помимо Японии включены все захваченные японской армией территории в Китае, Индонезии, Бирме и других странах, а также советский Дальний Восток. Трижды повторена дата призыва автора дневника в армию и пояснение, что это – день его второго рождения. Много в дневнике и выписок из сборника военных песен. Среди них такие, например, строки: «японский солдат не боится никаких трудностей и всегда улыбается; все, что ему нужно, – это горсть риса в ранце и пачка табака», «солдат никогда не грустит, он светел, как цветок вишни», «ты должен господствовать над миром и двигать время вперед, ибо оно служит нашей священной миссии», «все японцы – дети императора и рождены, чтобы умереть за него», «мы водрузим знамя Восходящего Солнца над Уралом» и прочая стихотворная смесь, воспевающая солдатские доблести, агрессивные устремления и боевой дух японской армии, и тут же – сентиментальные обращения к матери и невесте. Читал я и думал: до чего же они далеки по расстоянию, но близки по сути – солдатские дневники гитлеровских и японских вояк. Только и разницы, что там «водружали» знамя над Москвой и с умилением вспоминали домашнюю канарейку, здесь – знамя над Уралом и цветок вишни...»

Глава 3

Желтороссия

СССР, Приморский край, 28 июня 1945 года

Огромный «Ту-12», выкрашенный серебрянкой, загудел на повышенных тонах, раскручивая четыре винта. Развернулся, вырулил, покатил, набирая скорость.

Авиалайнер взлетел неожиданно легко – вот, только что мчался носорогом и вдруг оторвался от земли, как птичка.

Жилин вздохнул и откинулся в кресле. Глянул в иллюминатор. Внизу проплывали леса Подмосковья.

Поерзав, Иван с удовольствием подумал, что «в прошлой жизни» не летал на таком самолете.

«Ту-12» был переделкой из тяжелого бомбардировщика «Ту-10». Убрали бомбоотсеки, турели и прочее, зато поставили аж две туалетные комнаты. Между кабиной экипажа и крылом располагались две пассажирские каюты, а за крылом, к хвосту, – еще три, каждая на восемь человек.

Ну, восемь человек – это сидячих, а этот рейс будет «спальным», так что Жилин делил каюту еще с тремя офицерами.

С генерал-лейтенантом Александром Николаевым, начальником оперативного отдела штаба ВВС 1-го Дальневосточного фронта. Иван познакомился с ним буквально за

день до войны, Саша тогда командовал 122-м ИАП. Ответственный товарищ.

С полковником Геннадием Жмулевым, начальником разведотдела. Геша был блестящим аналитиком, отчего и в шахматах слыл гроссмейстером. Головастый мужик.

С майором Виктором Бубликовым, начальником связи. Витя был радиоинженером божьей милостью, он мог собрать и разобрать передатчик с закрытыми глазами. Техника его, можно сказать, любила и слушалась – радики будто сами собой настраивались в присутствии Бубликова. А Витя любил службу, хоть и не был годен к строевой, и очень гордился своими погонами. Технарь – романтик.

С полковником Семеном Горбунковым, флаг-штурманом. Сеня всегда был силен в аэронавигации – летал на бомбовозах. Определялся в пространстве, как перелетная птица. А теперь на него навалилась куча обязанностей – от чтения метео-сводок до размещения радиомаяков. Бывалый человек.

И в остальных каютах тоже летели штабные работники. В самом хвосте, рядом с буфетом, разместились девушки с узла связи.

Щелкнула дверца, и высокий комингс переступил Николаев. Жилин усмехнулся – Санек наверняка побывал в буфете, поближе к «малиннику». А что? Холостой, незарегистрированный...

– Товарищ маршал, – весело спросил Николаев, – а вы как насчет пообедать?

– Рано еще, – рассудил Иван.

– Ага... В крайнем разе, можно и попозжа. – Начотдела оглянулся.

Горбунков дремал, Бубликов погрузился в чтение мудреного технического журнала, а Жмулев, нахмурив лоб, изучал карты.

– Хотите новость? – сказал Александр, присаживаясь.

– Хотим, – буркнул начальник разведотдела, не поднимая головы от карты Маньчжурии.

– Кого назначили главнокомандующим ВВС на наши три фронта?

– Новость! – фыркнул Жмулев. – Новикова.

– Сняли Новикова!

Геннадий оторвался от карт и воззрился на торжествующего Николаева:

– Точно, что ли?

– Точнее не бывает!

– За трофеи? – уточнил Иван.

Николаев живо обернулся.

– Ты в курсе?

– Да нет, просто слышал, что Новикову с Жуковым втык давали – уж слишком много барахла нахапали в Германии. Жукова вроде в Одессу грозились сослать, а Новикова... Сняли, значит. А кто вместо него?

– Вершинин!

– Костя?!

– Ну, да!

– Вот это здорово! – обрадовался Жилин. – Костя – человек.

– И я того же мнения. Во всяком разе, куда лучше Новикова!

Жмулев снова уткнулся в карты и сказал, не поднимая головы:

– У меня тоже новость. Помните, сколько у Квантунской армии самолетов?

– Тысячи две.

– Было! Считай, четвертую часть авиации японцы перенесли в метрополию, отбивать налеты американцев.

– Вот бы кому я задницы надрал, – процедил Николаев, – так это штатовцам. Ты был в Потсдаме?

– На конференции этой? – уточнил Жилин. – Не довелось.

– А я был. До чего ж они наглые! Эйзенхауэр этот... Надо, говорит, разделить Германию на зоны оккупации! А Сталин ему: «А при чем здесь вы?» Дескать, открыли бы второй фронт в 42-м, как настоящие союзники, тогда было бы о чем говорить. А так – извините!

– А я однажды с подводником гутарил, – сказал Жмулев, – тот как раз из Атлантики вернулся, с дежурства. Рассказывал, раза три в перископ видел американские корабли, и все время хотелось запустить торпеду, как он выразился, «под матрас»!

– А-а! – первым догадался Бубликов. – Под звездно-поло-

сатый флаг?

– Точно!

– Не торопитесь, – усмехнулся Жилин, – мы еще с ними пересечемся. А пока тренироваться будем. На япошках!

– Ну-у... Это не то. Что там у них сбивать? «И-97»⁶? Так этот утиль даже «ишачок» свалит! Не спорю, ихние «Зеро» хороши, так ведь наши все равно лучше. Во всяком разе, «Зеро» даже со старой «лавочкой» не справится.

– Враг есть враг, – сказал Иван. – Шапкозакидательством заниматься не стоит. Хороший летчик и на «ишаке» валил «мессеры». Вспомните!

– Да, были схватки боевые... Кстати, товарищ маршал, Лидочка из разведотдела интересовалась вашим семейным положением.

– Сказал? – улыбнулся Жилин.

– Ну, не мог же я разрушить девичьи надежды! Сказал... Иван покачал головой.

– Единственно – доиграешься ты у нас, товарищ генерал-лейтенант, окрутят тебя.

– Оженят, – сказал Жмулев.

– Окольцуют, – добавил Горбунков, зевая, – захомутают...

– И пятерых дочек родят! – заключил Бубликов.

Николаев вздохнул.

– До войны я бы посмеялся, а сейчас... – сказал он. – А сейчас я уже и не против...

⁶ «И-97» – советское обозначение японского истребителя «Накадзима Ки-27».

Жилину никогда не удавалось заснуть в самолете, даже в бизнес-классе. Сидя не получалось, но в этом рейсе можно было нормально прилечь.

В иллюминатор подглядывала луна, ровно, убаюкивающе гудели моторы. Проснулся Иван уже в Красноярске.

Потом были Чита и Хабаровск. Последний перелет, и «штабной» лайнер произвел посадку под Владивостоком, на аэродроме Суходол.

Прямо на поле Жилина встречал Вершинин, уже в новеньких погонах маршала авиации. Широко улыбнувшись, Иван заученным движением бросил ладонь к фуражке:

– Здравия желаю, товарищ главнокомандующий!

– Да брось ты! – смутился Вершинин.

Они крепко пожали друг другу руки.

– Помню, как вы с Машей улетали из Липецка, – негромко проговорил Константин. – Как же я тогда вам завидовал! Вот, думаю, люди живым делом заняты, а я так и буду тут штаны протирать...

– Не удалось, – ухмыльнулся Жилин, и оба рассмеялись.

Повернувшись к своему автомобилю, главнокомандующий подозвал плотненького, крепко сбитого мужичка в генеральской форме, ну, может, чуток грузноватого, однако юркого. Пронырливого.

– Знакомьтесь, Павел Васильевич, – церемонно сказал Вершинин, – ваш начальник по тылу, генерал Карданов.

– Кубати Лакманович, – тут же подкатился начпотылу.

Рука у него была сухая и жесткая. Жилин терпеть не мог вялых и липких ладошек – такое впечатление, что жмешь сырую котлету.

– Кабардинец? – улыбнулся он.

– Так точно! – залучился Карданов.

–хлопотное вам досталось хозяйство?

– Не то слово! – воскликнул Кубати Лакманович. – Семь РАБов, сорок пять БАО, семь отдельных автобатальонов... ну, и так далее. Но вы не беспокойтесь, товарищ маршал, порядок я навожу быстро!

– Надеюсь. – По губам Жилина скользнула улыбка.

– Будет трудно, Паша, – построжел Вершинин. – Как в Карпатах или Апеннинах. Горы! Авиации у тебя до хрена и больше. Пятсот восемьдесят шесть самолетов в твоей 8-й воздушной, плюс авиация Тихоокеанского флота, а там больше тысячи машин плюс Приморская армия ПВО. Все это на тебе... Вот... Ну, директиву Ставки я тебе зачитывать не стану, просто введу в курс дела. 1-м Дальневосточным командует Черняховский⁷.

– Очень хорошо, – кивнул Иван.

– Да... Войска фронта наступают в направлении Харбина

⁷ В нашей реальности командующим фронтом был Мерецков. 2-м Дальневосточным командовал генерал армии Пуркаев.

и дальше на Гирин. С севера, по Амуру – 2-й Дальневосточный фронт, там командует Жуков...

– Жуков?! А мне сказали, что он в Одессе.

– Отозвали... ссыльного, – усмехнулся Вершинин. – Нечего ему на море загорать. Пускай вместо Черного к Желтому двигает! Жуков будет наступать от Благовещенска через Сахалян в направлении Цицикара, а от Хабаровска – на Харбин. Со стороны Монголии и Читинской области – Забайкальский фронт, с Малиновским во главе. Его бойцы наступают от Хайлара на Цицикар. Всеми войсками на Дальнем Востоке командует маршал Василевский. Ну, это ты и так знаешь. Просветили, небось. Как думаешь организовать управление?

– Ну, штаты я раздувать не собираюсь, команда у меня небольшая. Буду действовать, как тогда, в Италии – создам ВПУ⁸. Мы тогда исходили из расчета, что в среднем штаб на одном месте задерживается на неделю, максимум – на декаду, а расстояние между местами базирования – сто, сто пятьдесят километров, от силы. Начальник оперотдела у меня товарищ домовитый, пробивной – буду его высылать во главе передовой команды в новый пункт дислокации. И всего делов. Справимся.

Вершинин кивнул и улыбнулся.

– Короче, грузись – и тащи!

– Слушаюсь! – козырнул Жилин.

⁸ ВПУ – вспомогательный пункт управления боевыми действиями авиации.

Весь штаб уже покинул самолет и залезал в кузова тентованных «Студебекеров». По крутому трапу сходили последние пассажиры, вернее, пассажирки – девушки, отягощенные сумками, спускались осторожно, ойкая и поминая мамочку.

Иван проходил рядом, когда одна из связисток ступила мимо – и полетела вниз. Жилин мгновенно подстраховал, поймав девушку на руки.

– Оп!

– Ох...

Иван, надо признаться, весьма удачно подхватил барышню – левой рукой под коленки, а правая ладонь легла на девичью грудь.

– Спасибо, товарищ маршал, – чопорно сказала спасенная, не очень-то пытаясь вырваться.

– Пожалуйста, товарищ лейтенант, – ответил Жилин,глянув на погоны. Перевел взгляд на лицо девушки и невольно залюбовался.

Без толку описывать красоту женщины, пока не увидишь своими глазами, не поймешь того, что слышал о ней или читал. Пухлые губки, маленький носик, большие, широко расставленные глаза. Личико хорошенькой итальяночки, на которых Иван насмотрелся в 43-м, когда штурмовал Рим и Милан.

– Меня зовут Лида, – спокойно сказала девушка, хотя в глазах прыгали чертики.

«Иван», – едва не ляпнул Жилин, но вовремя прикусил язык.

– Павел.

– Очень приятно, товарищ маршал, – улыбнулась Лида.

Кто-то из Лидиных подружек хихикнул, и Жилин поспешил отпустить девушку.

Провожая глазами удалявшихся связисток, Иван подумал, что военная форма не слишком красит женскую фигуру. Но даже неизящная юбка и гимнастерка очень шли Лиде. Лидочке...

* * *

...Маньчжурия всегда была наособицу, не являясь частью Поднебесной, и располагалась к северу от Великой Китайской стены, выстроенной, дабы сдерживать набеги полуночных варваров. Здесь всегда жили маньчжуры и монголы, потом пришли китайцы. Явились русские и нарекли эти земли Желтороссией.

Если бы последний российский царь был умней и не проиграл так позорно войну с Японией, Маньчжурия вполне могла бы стать частью империи, ее восточной окраиной. Но «Николай Второй» прогадил и победу, и страну, и самую жизнь, а Желтороссия досталась микадо. Отвоевать ее – задача не из легких.

Маньчжурия куда лучше приспособлена для обороны,

чем для наступления, – это горный ТВД, вернее, горная тайга, старый лес, покрывающий хребты с высотами до двух километров.

Представьте себе цепь гор, образующих колоссальную букву «П». Западная ее сторона, обращенная к Монголии и советскому Забайкалью, – это Большой Хинган. Северная сторона, выходящая к советскому Приамурью, – это хребты Ильхури-Алинь и Малый Хинган. А сторона, граничащая с советским Приморьем, сложена Восточно-Маньчжурскими горами, самыми могучими и труднопроходимыми.

Мало того – японцы усилили эти твердыни семнадцатью укрепрайонами. Четыре с половиной тысячи дотов и блиндажей тянулись вдоль всей границы с СССР, перекрывая все дороги извне на Центральную Маньчжурскую равнину с ее большими городами.

А дот у самураев – та еще фортеция. Стены – в полтора метра железобетона, потолки – два, а сверху еще и земли по колено. Амбразуры, от одной до одиннадцати на дот, изнутри – двадцать на тридцать сантиметров, снаружи – двадцать сантиметров на полтора метра. И бронезаслонки в два пальца толщиной.

Японская Квантунская армия объединяла два фронта: 1-й Восточно-Маньчжурский (3-я и 5-я армии), 3-й Западно-Маньчжурский (30-я и 44-я армии), а также 4-ю Отдельную Северо-Маньчжурскую и 34-ю Отдельную армии.

Армия Маньчжоу-го, войска японского ставленника во

Внутренней Монголии князя Дэ Вана и Суйюанская армейская группа тоже подчинялись командованию Квантунской армии.

Эту сильную – более одного миллиона человек – группировку поддерживали 2-я и 5-я воздушные армии Японии.

Планы советского командования по глубокому контрудару отрабатывались еще до войны, а осенью 44-го были впервые сделаны первоначальные расчеты сосредоточения наступательных группировок РККА в Приморье, Приамурье и Забайкалье.

Весной 45-го через всю страну двинулись на Дальний Восток воинские эшелоны.

Перебрасывались части 39-й армии из Восточной Пруссии, оттуда же передислоцировалась в Приморье 5-я армия. Из Чехословакии – 6-я гвардейская танковая и 53-я армии. И еще, и еще...

Замысел был прост, и ведущую роль в нем играли фланговые группировки – войска 1-го Дальневосточного и Забайкальского фронтов. Прорвав пограничные укрепления, продвигаясь навстречу друг другу, эти фронты должны будут встретиться в центральных районах Маньчжурии, у городов Чанчунь и Гирин, окружить главные силы Квантунской армии, рассеять их, уничтожить по частям, а затем продолжить наступление на юг, до самого Дальнего и Порт-Артура.

Жилин усмехнулся, перебирая в памяти воспоминания и вчерашние директивы ВГК. В прошлой жизни Маньчжур-

ская наступательная операция длилась ровно десять суток!

Территория в миллион квадратных километров – скалистые горы, таежные дебри, топкие болота, безводные пустыни с песчаными бурями, бездорожье и глинистые долины рек, залитые летним половодьем... Пограничные крепости и укрепленные военные городки в глубине обороны, танки и многотысячные отряды солдат-смертников...

И все это рухнуло под натиском Красной Армии!

Сотни тысяч американских солдат месяцами отбивали какой-нибудь вшивенький островок, а тут и двух недель не прошло, как пала самая мощная группировка императорской армии!

Недаром штатовские и английские генералы рассчитывали победить Японию не раньше 1947 или даже 1948 года! И не зря.

Летом 45-го японские сухопутные силы насчитывали пять с половиной миллионов солдат и офицеров, флот – сто девять боевых кораблей, ВВС – шесть с половиной тысяч самолетов.

Если бы всю эту силу взять, да и направить на США...

Жилин вздохнул, отер ладонями лицо и отложил карты в сторону.

Хватит на сегодня. Отбой.

Глава 4

Над сопками Маньчжурии

Маньчжурия, 4 июля 1945 года

2 июля Мамору Сигэмицу, послу Японии в Москве, была передана нота, объявляющая империи войну. Наступление было назначено на следующий день – в час ночи три фронта пришли в движение.

Началась мощная артиллерийская подготовка – снаряды накрывали опорные пункты противника, а вдоль линии 1-го Дальневосточного фронта выстроилось семь вражеских укрепрайонов – Хутоуский, Мишаньский, Суйфыньхэйский, Дунинский, Дунсинчжэньский, Хуньчуньский и Кенхынский.

Бомбардировщики «Ту-2», «Ил-4», «Пе-8» и «Ту-10» трудились весь световой день, бомбя японские УРы. Штурмовики с истребителями сделали в первый день по пять-шесть вылетов.

Диверсанты и пограничники «вышли в поход» первыми, к утру продвинувшись на десять километров. В полдевятого в наступление перешли главные силы фронта.

К исходу первого дня операции 5-я армия прорвала оборону под Суйфыньхэ, продвинувшись на двадцать пять километров, – мощные, красивые, вымытые дождем «ИС-3»

мокро блестяли, походя на древних рептилий. На броне сидела пехота, их догоняли БМП и самоходки СУ-100, выворачивавшие наизнанку японские танки «Чи-Ха» и «Ха-Го».

1-я Краснознаменная наступала в горах, в условиях полного бездорожья, и за день одолела где пять, где семь километров. Зато 25-я армия, с ходу овладев японскими укреплениями, утром 4 июля освободила Дунин, Тумэнь и Хунчунь.

35-я армия форсировала Уссури и Сунгачу, преодолела обширный район болот и уже вечером 3 июля вышла к Хутоу, мощному узлу обороны.

Тихоокеанский флот в это самое время вел обстрел портов Юки, Расин и Сэйсин на побережье Северной Кореи, после чего высадил десант. «Ту-10» из соединения Авиации дальнего действия и «Ил-4» из флотских ВВС устроили военно-морским базам Японии Содом и Гоморру, и уже 5 июля все три порта были заняты советскими войсками – это означало, что Квантунская армия лишилась связи с метрополией.

Войска Забайкальского фронта, наступая с территории Монголии и Даурии, преодолели пустыню Гоби, безводные степи и Хинганские хребты. Воду приходилось завозить транспортными самолетами.

Армии 2-го Дальневосточного фронта форсировали Амур, зачистили берег и стали продвигаться вдоль реки Сунгари к Харбину.

Поневоле генералы применяли отрядную тактику – в го-

рах иначе не выходило. Войска передвигались сильными отрядами без их фланговой связи – командиры взаимодействовали, не видя друг друга, инициативно и самостоятельно.

Саперы готовили колонные пути – узкие дороги через горный или болотистый лес, по которым колонной двигались танки, САУ, «катюши», грузовики. Частенько приходилось укладывать сплошной поперечный настил из накатника на лежнях, иначе тяжелая техника увязла бы. Танки валили лес, саперы его растаскивали, пилили и складывали.

А лес здешний мало напоминал лиричные березовые рощицы – настоящие северные джунгли! Могучий дубняк, кедровник, сосны, липы, увитые лианами и диким виноградом – вот чем зарастали сопки, а все прогалы были забиты колючим кустарником с шипами в палец длиной, твердыми и острыми, как швейные иглы. Между сопками в узких долинах-распадках текли ручьи в топких берегах, где даже «Т-54» способен застрять, а угодить в болото можно и на вершинах сопки – уж таков здешний край!

И эти дебри были истыканы сотнями железобетонных дотов, прикрывавших многослойным – фланкирующим, кинжальным, косоприцельным и прямым – огнем подступы к узлам сопротивления и рокадным дорогам.

Одни лишь пути были свободны от препятствий и заторов – воздушные!

Аэродром, на который переправились «мигари» 122-го ГИАП, располагался в предместье Спасска-Дальнего, весьма бестолкового поселка, кое-как сложенного из пары деревушек, военчастей и промзон.

Граница Маньчжурии проходила совсем рядом, до озера Ханка было каких-то двадцать километров, а за ним начиналась чужбина, которая вскоре станет частью советской родины.

Жилин нисколько не сомневался в этом.

Командующему ВВС не терпелось самому облететь район боевых действий, и он исполнил-таки свое желание. Алхимов, правда, возроптал, но под внимательным и чуть насмешливым взглядом маршала вытянулся по стойке «смирно».

Иван никогда не поощрял глупого лихачества, не позволяя себе самому рисковать зря, но в данном случае он ощущал некую «производственную необходимость» – пусть не по пять-шесть боевых вылетов в день, как остальные пилоты полка, но хотя бы раз их командующий вылетать должен.

Ничто так не просветляет мозги полководца, как передовая. Жилин не слишком жаловал генералов, наблюдавших поле боя лишь на штабных картах. Нет, надо, чтобы местности, нарисованная и реальная, совпали в сознании, совме-

стились.

Оглядев «своих» пилотов, Иван не стал толкать речей, он был краток:

– Не знаю, мужики, долго ли нам японца бить, но я хочу напомнить узкоглазым, что связываться с нами не стоит. Не всегда дело Цусимой заканчивается... Помните эту песню – «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает»?

– А то! – подтянулся Алхимов. – «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!»

– Точно. Короче, я беру новый позывной – Варяг!

– Законно! – выразился комполка. В его устах это было синонимом слову «превосходно» или «замечательно»...

* * *

...Когда растревоженный Алхимов приказал вылетать 3-й эскадрилье, жилинский «МиГ-9» поднялся в воздух вместе со всеми.

– Я – Варяг! – обратился Иван по радию. – Афоня, ты здесь комэск, тебе и рулить. Действуй.

– Есть! – ответил Афонин. – Группа, внимание! Курс двести.

Эскадрилья получила задание: штурмовать с воздуха колонны противника в районе Мишаньского укрепрайона, заодно поддерживая «горбатых», занятых тем же.

Можно сказать, вылет был пробным: надо было убедиться в боеспособности японских ВВС. Тамошние «Зеро» да прочие «Кавасаки» прикрывали УРы, взлетая с аэродромов поблизости – в Харбине, Гирине или Муданьцзяне. Истребители потихоньку выводились на Японские острова, дабы защитить метрополию от налетов американской авиации, но даже самый глупый военачальник не оставит без защиты такую крупную и богатую колонию, как Маньчжоу-го.

Крутые лесистые сопки, переваливавшиеся под крылом самолета, казались дикими, нехожеными, как вдруг склон одной из гор прорезали рукодельные уступы, застроенные дотами и прочими блокгаузами. Внизу, в пади между сопок, вилась довольно широкая дорога. Рокадная дорога, ближняя к советской границе.

По ней пылили трактора, волокущие орудия, их обгоняли грузовики и даже пара танков.

– Группа, внимание! Атакуем!

Улыбнувшись, Жилин отжал ручку управления, бросая самолет в пике. Техника внизу быстро меняла направление движения – водители, заметившие угрозу с неба, тормозили и бегом покидали кабины, а их недогадливые товарищи тыкались бамперами и передками в брошенные машины, но вскоре тоже выскакивали, догоняя более сообразительных коллег.

Иван с удовольствием снизился, прошелся на бредущем, вжимая гашетки. Три пушки задолбили, пуская дрожь по

корпусу. Снаряды рвали кузова грузовиков, а какой-то легковушке снесли крышу.

Легкие танки «Ке-Хо» Жилин обстрелял эрэсами. Немецкие «Т-IV» не всегда удавалось «вскрыть» даже бронебойными РБС, все зависело от меткости, а эрэс неуправляем.

А вот с «Ке-Хо» справился обычный РС-132 – он с легкостью пробил броню толщиной в палец и рванул, высаживая башню. Та поднялась на столбе огня – сдетонировал боекомплект, перевернулась и упала точно в кузов стоявшей рядом машины. Грузовик присел на лопнувшие шины.

– Вы чего хулиганите? – послышался в эфире веселый голос. – Это наша добыча!

– Я – Афоня! – важно ответил комэск. – «Горбатых» не спрашивали! Надо же было куда-то эрэсы девать.

– Все с вами ясно. Кстати, наши глазастые заметили истребители противника. Может, займетесь?

– Где именно заметили? – Тон Афолина сменился на серьезный.

– Подгребали с запада.

– Понял. Группа, внимание! Идем с набором.

Жилин нагрузил двигатель, загоняя «МиГ» на «горку». Уже с тысячи метров, поднявшись выше сопок, он различил маленькие, игрушечные будто, самолетчики, приближавшиеся в развале широкой долины.

– Прячутся, что ли? На десять часов, ниже тридцать градусов. Атакуем!

Перевалив лесистую сопку с вершиной, осыпавшейся каменным крошевом, «мигари» заскользили в пологом пике, открывая огонь метров с семисот – убойной силы хватало.

Это «МиГ-3» вынужден был подлетать ближе чем на сотню метров к «мессершмиту», чтобы сбить тот пулеметами. Орудия, пусть и малого калибра, позволяли сильнее испортить настроение вражескому пилоту.

Глаз Жилина еще не наметан, и он не сразу опознал «Накадзимы Ки-84». Неплохой самолет, особенно в умелых руках. Быстрый, он мог обогнать тот же «МиГ-3», но вооружен был еще хуже, чем изделие Микояна с Гуревичем, – всего пара пулеметов.

Выдав короткую очередь. Иван с ходу свалил японца – тот как летел, так и вписался в осыпь на макушке сопки, запуская пылящий камнепад. А затем Жилину пришлось туго.

«МиГ-9» превосходил японские истребители в скорости раза в полтора, по мощи вооружения и вовсе в разы, но вот маневренность...

Вертеться и крутиться, как «Накадзима» или предшествующие модели «мигарей», девятка не могла. За высокую скорость приходилось платить низкой поворотливостью.

«Ки-84» обстрелял «мигаря», но малиновые трассы не успели скреститься с советским самолетом – припоздали, махнув за хвостом. Жилин завиражил, однако поймать в прицел верткий «Накадзима» было сложно. Зато японцу это удалось, хоть и отчасти – пулеметная очередь задела «МиГ»,

дырвя фюзеляж и левое крыло.

– Ч-черт...

Иван быстро крутанул самолет, проверяя, не перебито ли что. Вроде цел...

– Товарищ маршал! Что там?

– Жив-здоров... – проворчал Жилин.

Падая в крутом пике, он полоснул очередью по верткому «Накадзиме» и отчекрыжил тому хвост.

Пилот сразу полез из кабины, решая прыгать с парашютом, но ему очень не повезло. Какой-то из снарядов задел-таки бензобак, и огрызок самолета полыхнул огнем, поджаривая заодно и незадачливого парашютиста – черная раскоряка закувыркалась к земле.

Очередной японец увязался за Иваном, но сразу отстал, а Жилин, выйдя в боевой разворот, достал отстающего на встречных курсах, распоров тому фюзеляж под крылом. Плоскость не выдержала, отвалилась, самолет посыпался вниз, однако пилоту и без того досталось – парочку снарядов он схлопотал-таки.

Резко подав ручку на себя, Иван послал «МиГ» на «горку», уходя с линии огня – трассеры прошли ниже. Перевалившись в пике, из «полубочки» Жилин достал стрелка. И достал эффектно – «Ки-84» расплылся оранжево-чадным облаком, только законцовки крыльев да хвостовое оперение отлетели прочь.

– Я – Афоня! Разворот!

– Седьмой, прикрой!

– Сзади трое! Пятый! Хвост! Трое сзади!

– Змей, отсекай!

– Комэска задели!

– Я – Варяг! Афонин!

– Здесь я... Сам цел, машине досталось – мотор чихает...

– Тяни к границе! Змей, прикрываешь!

– Есть!

– Я – Варяг! Аганин, вызывай Колхоз, пусть вертолет шлют!

– Да вроде держится командир...

– Когда плюхнетя, поздно будет. Вызывай!

– Есть!

Четыре или пять японских истребителей пометались по долине и повернули назад, к Харбину.

– Я – Варяг! Группе Меркулова – догнать и уничтожить!

– Есть!

Четверка «мигарей» плавно, будто нехотя, развернулась и понеслась в пологом пике, настигая «Накадзимы». Далеко улететь им не пришлось – несколько очередей с полукилометровой дистанции опустили парочку «Ки-84», только копотно-черные шлейфы протянулись к лесу и канули в нем – вспухли клубы огня.

Оставшаяся двойка резко снизилась, пошла на бреющем, виляя змейкой, повторяя изгибы долины. Первая очередь ушла мимо, выбив пыль на дороге, зато вторая попала в де-

сятку, в самую кабину – «Ки-84» продолжил полет, вот только рулить уже было некому. Самолет на скорости шестьсот километров в час врезался в трещиноватый утес и будто растворился в камне и фонтанах огня.

Последний из японских истребителей пал жертвой собственной паники или спешки – не рассчитал самурай, не хватило ему буквально метра, чтобы скользнуть над верхушками кедров. Ломая ветви, сучья, стволы, выкосив целую просеку в лесу, распадаясь на части, «Накадзима» просеял самого себя сквозь сосны, как через сито, раскидав клочки и обломки, но так и не взорвавшись.

– Вызываю Мо... то есть Варяга...

– Говори, Афоня.

– Глохнет мотор...

– Ищи место, будешь садиться! На брюхо! Змей! Ты там впереди... Долинку подходящую видишь?

– Да вот, где лысая гора! Речушка там мелкая, сесть можно.

– Заворачивай, Афоня! Мы прикроем.

– Есть...

«Мигарь» Афонины, и без того сбросивший скорость, уменьшил ее еще больше. Нехорошо, не поздорову колыхаясь в воздухе, самолет пошел на посадку.

Свернул, снизился, коснулся брюхом мелкой воды, заскользил, как глиссер – пенные брызги окропили оба берега таежной речки. Завихляв, едва не развернувшись, «МиГ-9»

погасил-таки скорость и замер, вылетев с размаху на песчаную косу, заросшую молоденькими ильмами.

– Сел?

– Так точно!

– Сиди там.

«Мигари» закружили над сопками, высматривая супротивника. Как ни странно, такой нарисовался. Но вовсе не в воздухе, а на земле – небольшой отряд японцев в оливково-зеленой форме рысцой продвигался по долине – видимо, с ближайшего узла сопротивления выслали взвод, чтобы взять в плен русского летчика.

– Аганин! Пройдись вдоль! Надо проредить эту «зелень»!

– Есть!

– Мы прикроем.

Истребитель, уподобляясь кровожадному дракону из японских сказок, пронесся по долине, над рекой, да так низко, что турбулентный поток взвихрял воду, поднимая ее пенным гребнем, оголяя дно, а рев мотора сотрясал воздух.

Японцы попадали на землю, паля из винтовок по истребителю, но у того калибр был повнушительней – фонтанчики песка, гальки, черной земли, корешков и стеблей пересекли залегший взвод. Забрызгало кровью, полетели ошметки плоти.

Уцелевшие побросали оружие и дали деру. Видать, не все военнослужащие Японской империи отличались фанатизмом и горели желанием отдать жизнь за императора.

– Вертолет!

– Где? А, вижу.

Стрекоча, дробя солнечные блики лопастями несущего винта, показался «ГМ-1»⁹. Сориентировавшись, пилот направил геликоптер к севшему «МиГу». Развернулся, завис, осторожно сел, пуская круги по воде.

Сильно пригибаясь, Афонин прошлепал к винтокрылой машине и залез в кабину. Лопаста сразу участили мельканье, «ГМ-1» поднялся в воздух, слегка клонясь вперед, и пошел разгоняться.

– Я – Варяг! Сопровождаем.

Вертолет полетел к востоку, заворачивая, вторя поворотам долины, а «МиГи» последовали за ним, проносясь поперек курса «ГМ-1», чтобы хоть как-то сравнять скорости.

Прошло совсем немного времени, и эскадрилья пропала за перевалом. В тайгу вернулась тишина – только речка журчала, обтекая корпус «МиГ-9», да шуршала хвоя.

Зашелестел ивняк, и из зарослей выглянул молодой тигр. Втягивая запах бензина, усатый-полосатый фыркнул недовольно и скрылся.

⁹ «ГМ-1» – первоначальное название вертолета «Ми-1». В нашей реальности был выпущен в конце 40-х годов.

Глава 5

Вариант номер один

Восточная Маньчжурия, 3 июля 1945 года

Михаил Ерохин, известный под именем Дядя Миша, получил третью звезду на погоны, стал полковником, а на следующий день его ШАП – штурмовой авиаполк отправился в «путешествие» – на Дальний Восток.

Все экипажи еще зимой пересели на «Ил-10М», машины обновленные, «навороченные», как маршал Рычагов говорил, а по сути, это были все те же «горбатые», знаменитые штурмовики.

Четыре крыльевые пушки НР-23, у стрелка пушка Б-20ЭН, под каждым крылом по паре реактивных орудий РО-82, или обычные эрсы. Есть чем приветить недруга.

Порой Михаил завидовал пилотам истребителей – они-то на реактивную технику пересаживались, а «горбатые» все винтами воздух лопатили, вот только зачем штурмовику скорость высокая?

«Илы» по наземным целям работают, а те от них не убегут. Тут главное – калибр посолидней да боеприпасу побольше, чтоб угостить, так угостить! А броня – чтоб уберечься.

В Приморье полк прибыл буквально за двое суток до наступления. Все оставшееся время пилоты с техниками,

оружейниками и механиками преданно служили самолетам: нельзя, чтобы матчасть подвела в бою.

Вовсе обидно будет, если парни, выжившие в небе Германии, вдруг погибнут в какой-то Маньчжурии!

Обед пилоты, как водится, пропустили, но голодные организмы напомнили о себе часика в три. Пришлось соображать нечто вроде полдника – «стол» украсили хлеб да тушенка.

Тут явился капитан Голубенков.

– Братцы! А вы хоть знаете, кто на фронте авиацией рулит? Рычагов!

– Во! – удивился и обрадовался Ерохин. – Эт-хорошо.

– Завтра – последний день. Надо будет выспаться, первый вылет – ночью.

– Если до вечера все успеем, – сообщил Дядя Миша с набитым ртом, – завтра отдохнем по-людски.

* * *

На другой день с утра комдив собрал командиров полков у себя на КП.

– Значится, так, – сказал он увесисто, мосластым пальцем тыча в расстеленную карту. – Товарищ маршал нацелил нас на Мишаньский укреп-ленный район. Японцы выстроили его вот здесь, по горной гряде, что от озера Ханка уходит в глубину Маньчжурии и отделяет нашу границу от реки Мулинхэ. На семьдесят пять километров уходит. Види-

те? А тута, тута и тута – пять узлов сопротивления, у каждого из которых – опорные пункты. Вот, к примеру, Наньшаньский узел. Он – вот, на склонах самой высокой здесь горы Нань-Шань. От этой верхотуры узел занимает и соседние горы, достигая до десяти километров по фронту и до шести – в глубину. Тута сотни дотов и дзотов. Кроме опорных пунктов, что входят в огневую систему, у Наньшаньского узла есть и отдельные опорные пункты. Один из них – Янмугоу – выдвинут далеко вперед, к советской границе. Видите? Другой в тылу, севернее города Баньдзыхэ. Оба прикрывают рокадные военные дороги. Фланги соседних с Наньшаньским узлом сопротивления – Цзомутайского и Сыпайского – в паре километров от него, что обеспечивает огневое взаимодействие. Задача ясна? Бомбовозы начнут первыми, завтра, ровно в час ночи. Заодно подвесьт световые авиабомбы, чтоб нам было видно. Работать по технике, по живой силе противника, по складам и казармам. Дядя Миша!

Ерохин вздрогнул от неожиданности. Комдив ухмыльнулся и кивнул на стереотрубу:

– Хочешь глянуть?

– Хочу, – признался Михаил.

КП находился на вершине, рядом с наблюдательной вышкой погранцов, и отсюда открывался вид на Маньчжурию. С южной стороны обзор несколько загораживала вершина горы Диэршиихао, зато на западе лесистые сопки как бы террасами спадали к долине реки Шитоухэ.

Хорошо была видна тропинка, вившаяся по склону водораздела на север, мимо одинокой фанзы. Где-то там, за Шитохэ, тропа выводит к городку Чангулинь, к дороге на Мулин. Это один из четырех маршрутов 1-й Краснознаменной армии – ее дивизии уже полностью сосредоточились в выжидательных районах.

Дядя Миша прижался к окулярам. По тропинке шел наряд японских пограничников...

– Товарищи офицеры!

Ерохин отскочил и вытянулся – на КП, прикладывая руку к фуражке, поднимался «товарищ Васильев», как для секретности именовали маршала Василевского. С ним рядом шагал генерал Белобородов, командарм.

– Здравствуйте, товарищи.

– Здравия желаем, товарищ маршал!

– Вольно, – улыбнулся Василевский и повернулся к командиру 1-й Краснознаменной, видимо продолжая разговор: – Были у нас сомнения. Были! Но куда от них, от сомнений, денешься? Убедил. Действуй! Как в Кёнигсберге – мало потерь, много пленных.

– Первая Краснознаменная постарается, товарищ маршал! По варианту номер один!

– Что это за вариант?

Белобородов смутился.

– Да это мы с Ксенофонтовым еще в 39-м прикидывали, сразу несколько вариантов сильных контрударов составили.

Вариант номер один в точности совпадает с нынешним ударом армии.

Василевский кивнул и спросил командующего 251-й штурмовой авиадивизией:

– По-прежнему тихо?

– Здесь тихо. Но в Мишаньском укрепрайоне, на переднем крае, как в муравейнике. Роют траншеи, ставят проводное заграждение...

– Пусть роют. Они ведь не знают про вариант номер один...

* * *

Ровно в час пополудни штурмовой полк Ерохина поднялся в небо – тридцать шесть «Ил-10М» – и взял курс на северо-запад.

«Горбатые» летели во тьме, ориентируясь по приборам – даже звезд видно не было. В эфире зашумело, и Михаил прислушался.

– Штурман наведения ведущему маркировщиков. Как слышите? Прием?

– Слышу вас хорошо.

– Приступаем!

– Ведущий маркировщиков пошел!

Пятисоткилограммовые маркировочные бомбы посыпались вниз, отмечая цель – Мишаньский укрепрайон. Штур-

маны сбрасывали «маркировку», следя за локаторами.

Взрываясь по сигналу высотомера, метрах в двухстах от земли, маркировочные бомбы падали, расцветая на земле алыми цветами, разворошенными угольями костров – теперь не промахнешься!

– Второй маркировщик, пошел!

– Отходим, отходим.

– Ведущий всем маркерам: отходим!

– Пятый маркировщик ведущему: понял!

– Второй маркировщик: есть отход.

– Перун, как видите свет?

– Вижу пять указателей цели сквозь облака, – ответил ведущий девятки бомбардировщиков «Пе-10».

– Ведущий маркировщиков соединению: выходите в атаку и бомбите по красным указателям цели согласно плану.

– Вас понял. Внимание! Произвести боевое развертывание! Атака цели одиночно. Я – Перун!

Бомбардировщики были невидимы в ночи, но «следы их жизнедеятельности» смотрелись ярко и знатно – ослепительные сполохи разрывали черноту ночи, синие высверки бросали вокруг себя дрожащий свет, а кверху клубился подсвеченный дым.

Били «тонками». Взрывы бомб накладывались друг на друга, хороня доты и дзоты, но вспышки были мгновенны, в их подсветке нельзя было разобрать движения, увидеть, что творится на земле. Хотя чего тут непонятного? Творился ад

кромешный.

Михаил глянул наверх и разглядел за фонарем смутные силуэты истребителей сопровождения. Истребители ходили зигзагами поперек курса штурмовиков, чтобы сравнить скорости с медлительными «подзащитными».

– «Горбатым» привет и спокойной ночи! – послышался в наушниках жизнерадостный голос. – Готовьтесь, сейчас ваша очередь!

– Всегда готовы, «маленькие»!

Бомбежка закончилась, но темно не стало – очаги пожаров на земле сливались в оранжевое зарево. А потом высотные «тушки» сбросили световые бомбы. Они вспыхнули, опускаясь на парашютах, и залили вершины сопok небывалым зеленым сиянием.

– На боевом курсе! – скомандовал Ерохин. – Приготовиться к атаке!

Штурмовики подходили, откуда не ждали – с юга. Да японцам и не до них было – с высоты легко различалось, как среди разбомбленных укреплений мечутся уцелевшие защитники УРа, как мелькают тени, как там что-то рушится и тучи искр закручиваются огненными вихрями.

– Федька! – окликнул Дядя Миша бортстрелка. – Как там?

– Никого, товарищ командир! – пожаловался тот.

– Радовался бы!

– Я радуюсь... – уныло вздохнул Федор.

Мелькнул бетонный козырек, придавивший легкий танк.

Ага, вот вы где прячетесь!

– Атакуем!

«Ил-10М» сорвался в пологое пике, наращивая скорость. Не доверяя себе, Ерохин использовал радиоприцел. Две бомбы сорвались с держателей и ухнули вниз.

Штурмовик сразу «вспух», облегчившись.

– Второй заход!

«Горбатые» кружили над узлом сопротивления, затеяв хоровады – в ночи это больше походило на зловещий балет привидений. А уж кем их считали японцы – бог весть.

У сынов Ямато собственные страшилки.

Штурмовики выпустили эрэсы, метя по уцелевшей технике и толпам мечущихся людей. Видимо, те из бойцов, кто выжил под бомбежкой, решили сматываться, как только перестали рваться «гостинцы» с неба. А тут «ильюшины»!

– Долбим самураев! – крикнул Голубенков.

Дядя Миша улыбнулся и вжал гашетки. «Ил» задрожал, у кромок крыльев заблестали огни пушек – очереди прошлись вдоль и поперек дворигов, траншей, блиндажей и прочего крепостного хозяйства. Злые фонтанчики взрытой земли и бетонной крошки словно сами по себе били вверх, разрывая пополам живых и мертвых.

– Ни одного снаряда не истратил! – пожаловался бортстрелок. – Это что такое, а?

Дядя Миша рассмеялся и скомандовал:

– «Горбатые», уходим!

Глава 6

Точка «Ленинград»¹⁰

Западная Маньчжурия, 6 июля 1945 года

С осени 43-го полковник Долгушин командовал 156-м Эльбингским ИАП. Привык, втянулся. На итальянскую кампанию не попал, зато Францию прошел и пролетел от Марселя до Парижа, а потом были бои в Германии – Баварский котел, штурм Линии Адольфа Гитлера, осада Берлина.

С полгода отбив в должности коменданта Потс-дама, Сергей Федорович получил приказ о передислокации на Дальний Восток – его полк истребителей должен был усилить собой 12-ю воздушную армию Забайкальского фронта.

Здесь, где смыкались Монголия, советская Даурия и Маньчжурия, все дышало Азией, неопрятной и дремотной. Дикие, но прекрасные места!

Чтобы понять здешнюю красоту, нужно было изрядно потрудиться и побороться, претерпеть лишения, крепчая духом – Азия покорялась только сильному.

Труднее всего было в пустыне Гоби – войска шли от колодца к колодцу, от оазиса к оазису. Порой воды было так мало, что у источника выставляли охрану. Выстраивалась длинная очередь, и часовой каждого поил из кружки – по два-три

¹⁰ При написании главы были использованы воспоминания Н. Барякина.

глотка на человека.

Вот где узнавалась цена обычной аш-два-о! Оказывалось, что полстакана солоноватой водицы были гораздо дороже ящика с шампанским «Вдова Клико».

Но войска шли и шли, наступали и наступали, одолевая каждый день где десять, а где и все полста километров.

156-й истребительный справно нес службу – громил японцев. Четыре эскадрильи «Ла-11» не ведали конкурентов в небе Маньчжурии, даже знаменитые «Зеро» не могли устоять перед четверкой пушек советского истребителя.

Правда, сам Лавочкин, когда его Сталин спросил, что запускать в серию – «Ла-11» или «МиГ-9», высказался за реактивную машину. Честный был человек. Признавал чужую правоту, а не пробивал свои машины, как Яковлев, даже если они были хуже, чем у других КБ. Рычагов рассказывал, что вождь пожурил тогда Лавочкина, но и оценил позицию, занятую Семеном Алексеевичем. В итоге сейчас испытывают реактивный «Ла-15»...

3 июля Долгушин схватился сразу с двумя звеньями «Зеро» над Большим Хинганом. Одно звено он благополучно сбил, а тут и однополчане подоспели, уделали япошек. Вот только задело тогда комполка – хоть и вскользь, а контузило.

Врачи были людьми жестокими и на три дня отстранили Долгушина от полетов. Полковник долго возмущался, а военврач кротко улыбался, выслушивая пилота, после чего смилостивился: «Два дня». Ну, что тут скажешь?

Однако Долгушину, можно сказать, повезло – начальнику оперативной группы штаба фронта генерал-майору Павловскому потребовалось срочно передать приказ генералу Людникову, а все офицеры связи были в разгоне. Надо ли говорить, что Сергей с радостью согласился поработать «почтальоном»?

Правда, лететь надо было не на истребителе, а на тихоходном «По-2», ну так что ж? Не самолет разве? Еще какой!

Сам пакет должен был передать лейтенант Смирнов, задача Долгушина заключалась в том, чтобы доставить Смирнова в штаб армии. Им обоим выдали специальные удостоверения, подписанные маршалом Малиновским: по нему «предъявители сего» имели право принимать любое решение, использовать любой транспорт, а командиры частей обязаны были оказывать всяческое содействие по первому же требованию.

Долгушин вдруг стал личностью неприкосновенной, облеченной сумасшедшими правами, но и ответственность на нем лежала немалая – даже в случае его гибели секретные документы не должны были попасть в руки противника. Как хочешь, так и изворачивайся.

Определив и проложив по карте маршрут до штаба армии, Сергей провел красную линию, определил азимут и время полета.

И – по самолетам, как говорится.

Вылетели они с точки «Ленинград» – так этот полевой

аэродром обозначался на картах.

«По-2» машинкой был сверхнадежной, этот бипланчик даже в штопор сваливаться не умел. Он терпеливо сносил любого, самого неумелого летчика. Правда, полет «По-2» был весьма нетороплив, зато и моторчик тархтел чуть слышно.

Рев истребителя только глухой не услышит, а «По-2» даже ночью мог летать почти бесшумно. Немцы презрительно называли его «русфанерой» или «кофемолкой», однако жутко боялись ночных бомбардировок – «По-2» подлетал незаметно и бомбил точно.

Кабины на биплане не было, но летом в Маньчжурии это являлось приятным бонусом – духоту сдувало.

Летели на предгорьями Хингана. Неожиданно, приблизительно на середине пути, самолет попал в сплошную облачность. Облака, молочно-белые и пухлые, окружили «По-2» со всех сторон, и Долгушин, круто набирая высоту, вывел самолет поверх белого одеяла.

– Что будем делать? – прокричал он Алексею Смирнову, сидевшему сзади.

– Вперед! – отозвался тот.

А «По-2» словно завис в воздухе – ориентиров нет, земли не видно. Сергей глянул на часы – по времени получалось, что где-то внизу должен быть аэродром штарма¹¹.

Пролетев по азимуту еще минут пять, Долгушин стал вить

¹¹ То есть штаба армии.

круги, высматривая между облаков землю – топливо убывало, наступали сумерки. Надо было как-то выкручиваться, а то или к японцам занесет, или вовсе в гору на полной скорости...

– Серега! – крикнул Смирнов. – Смотри, земля! Давай, садись!

Долгушин повернул самолет, сбросил обороты мотора, и «По-2» плавно устремился вниз.

Самолет сел в котловину, со всех сторон окруженную горами. Сел и словно повис в густой траве выше человеческого роста. Совсем рядом журчал ручеек с чистой водой.

Быстро стемнело. Посланники забрались в кабину, укрылись тентом и заснули сном праведников.

Утро предстало чудесное – солнце, тихо, только птицы поют, зелень вокруг. Хорошо!

Вот только непонятно, на своей они стороне или за линию фронта залетели? К японцам в гости? На хрен таких хозяев...

С ближайшей сопки ничего, кроме гор, не было видно. Куда их занесло? Вернувшись к самолету, Долгушин со Смирновым попробовали взлететь. Ага... Не тут-то было.

Трава своими плетями путала колеса, словно хваталась за них, и не пускала. Басовито тарахтя, «По-2» прокатился и уперся в склон.

Никак.

Ножам офицеры выстригли целую ВПП, измаялись, но

взлететь так и не смогли. Оставалось одно – топтать пешком.

Часа через два пути «почтальоны» вышли к огромной речной долине. Вдали виднелись дымки костров, в полуденном зное вырастали армейские палатки.

Долгушин со Смирновым залегли – свои там или чужие? Офицер связи ощупал секретный пакет в потайном кармане.

Тут показалась машина – она шла по хорошей дороге в какой-то паре километров.

Двое переглянулись.

– Надо проверить, – решил Долгушин.

– Точно.

Сергей с Алексеем скрытно вышли к дороге, залегли, вынули пистолеты и приготовились действовать. Если наши – хорошо, если японцы – надо реквизировать автомобиль.

Через полчаса показался грузовик, ехавший из лагеря. Сергей с радостью узнал фронтового «захара», как прозывали эту трехтонку.

Долгушин вышел на дорогу и поднял руку, тормозя «ЗИС-5».

Водитель, выглядывая в окно, не слишком-то испугался – бывалый.

– Я из штаба фронта. – Сергей предъявил свое удостоверение. – Это 39-я армия?

– Так точно.

– Генерал Людников здесь?

– На месте, товарищ полковник.

– Подбрось нас до штаба.

– Залезайте!

«ЗИС» развернулся и покатил обратно в лагерь.

Остальное уже неинтересно – приказ генералу вручили, он где надо расписался, пожал руки Смирнову с Долгушиным.

«По-2» привели на аэродром 39-й армии на другой день. Пообедав в армейской столовой, Сергей с Алексеем собрались «домой».

Протарахтев по полосе, «По-2» взлетел. Снова под крылом потянулись горы Хингана, потом расстелилась степь.

И вот тут-то Долгушин понял, что допустил срамную ошибку – не залил горючее в бак. Летчики, которые вызволяли «По-2» из котловины-ловушки, опорожнили запасную канистру, а он не проверил, сколько у него осталось горючего. Привык, что за этим техники смотрят. И вот, что называется – попал.

«По-2» пошел на посадку. Мотор заглох над самой землей, но самолету это было не страшно.

– А что случилось? – удивился Смирнов.

Долгушин с чувством выматерился и признался в грехе.

– Ну, тут мы точно у своих! – утешил его Алексей.

– Есть неприкосновенный запас, – закричал Сергей, – литров двадцать. Но тогда в обход лететь не получится.

– Летим напрямки!

Напрямки – значит, через озеро Буир-Нур.

Опорожнив канистру с НЗ, Долгушин завел мотор – тот прочихался и застрекотал. Набрал высоту метров в триста, Сергей увидел далекое зеркало озера, размытое дымкой.

И вот уже бескрайняя тихая вода заплескалась во все стороны.

Вдруг, прямо посреди озера, мотор чихнул и заглох. Пропеллер замер в вертикальном положении – и тишина.

Долгушин машинально расстегнул пояс. Смирнов схватил его сзади за рукав.

– Спланируем ли?

– Не знаю! Попробуем!

Резким движением ручки Сергей сумел поднять самолет на несколько метров вверх. Берег приближался, но голубые воды Буир-Нура были еще ближе.

«По-2» ткнулся в сушу у самой кромки озера. Несколько минут Долгушин сидел в полной тишине, тупо уставясь перед собой, затем медленно покинул самолет.

– Долетели! – выдохнул Смирнов.

– Почти, – буркнул Сергей.

– Да все нормально! Сами живы, техника цела. Будем устраиваться на ночевку.

– Будем...

Вскрыв бортпаек, оба перекусили. Решили поначалу устраиваться на ночлег прямо в самолете, но тут поднялся сильный ветер. Пришлось обвязаться веревками, укрыться за плоскостью самолета и расположиться «со всеми удоб-

ствами» прямо на земле, чтобы удержать «По-2» от опрокидывания.

Поутру Смирнов вознамерился дойти до местечка с названием Монгол-Рыба, до него от стоянки было километров семь.

Только оба освежились в Буир-Нуре, позавтракали остатками ужина, Алексей уже и канистры подхватил, как вдруг показался самолет.

Долгушин тут же схватил ракетницу. Углядев сигнальные ракеты, самолет покружил и сел.

– Привет! – заорал пилот, откидывая фонарь. – А все вас в другой стороне ищут!

– Да это я балбес, – покаялся Сергей, – не проследил, а бензин – йок!

– Ха-ха-ха! Бывает! Щас поделюсь...

Долгушин со Смирновым быстро перекачали горючее, и очень скоро оба самолета взлетели. Курс – на точку «Ленинград».

* * *

На следующий день врач смилоствивился, и после обеда, когда 2-я и 3-я эскадрильи готовились к вылету, комполка тоже занял свое место – он всегда летал в составе «родной» 2-й АЭ.

Командир дивизии дал задание – сопровождать бомбар-

дировщики «Ту-2» до города Калган. Так это место называли монголы и русские, а китайцы именовали город Чжанцзякоу.

Калган – это в переводе «ворота в стене». Город стоял как пограничная застава на Великой Китайской стене, тут находились главные ворота из Внутренней Монголии в Поднебесную империю. Теперь же Калган заделался столицей марионеточного государства Мэнцзян – его провозгласили японцы, захватив эти земли и поставив во главе покладистого чингизида, князя Дэ Вана Демчигдонрова. Князю помогал принц Чи.

Долгушин, правда, не разбирался особо в этих придворных тонкостях, для него все было просто: Дэ Ван – это пособник японских милитаристов, под Калганом находится аэродром, где базируются «Зеро», «Накадзимы» и прочие «Кавасаки».

«Тушки» будут их плющить и раскатывать бомбами, а истребители 156-го ИАП – прикрывать «туполевых». И всего делов, как Рычагов говаривал.

«Ту-2» шли к полю боя девятка за девяткой, с интервалом в десять минут. Головная и замыкающая группы прикрывались восьмерками «лавок», промежуточные – шестерками и четверками. Силы прикрытия недаром распределялись именно таким образом – противник старался в первую очередь атаковать ведущих или замыкающих.

– Вижу самолеты противника! Много!

Долгушин пригляделся: со стороны Калгана шли япон-

ские истребители – три или четыре эскадрильи «Накадзима Ки-84 Хаятэ». Весьма удачные истребители: по скорости обгонят «МиГ-3», а по вооружению сравнятся с «По-7» – на «Хаятэ» стоят четыре 20-мм пушки Хо-5, две крыльевые, еще две – над капотом. «Хаятэ» переводится как «ураган»...

– Я – Четырнадцатый, – сказал Сергей. – Группа, внимание! Сема, твоя восьмерка при бомберах.

– Понял...

– Полюнов, ты со мной. Атакуем!

Две восьмерки «Ла-11» устремились навстречу «Накадзимам». Японцы начали обстрел с дальней дистанции, метров с пятисот – дымные жгуты трассеров словно таяли в воздухе.

– Идем с набором!

«Лавочка» взвыла, делая «горку», забираясь все выше и выше, пока, наконец, не перевалилась в пике, прибавляя скорости. Ведущий «Хаятэ» рванул навстречу советскому истребителю, но самураю не хватило силы духа – не выдержав лобовой атаки, он свернул в сторону – и пушки «Ла-11» располосовали ему крыло и борт. Пробитые баки задымились и вспыхнули, через мгновенье охватывая огнем весь самолет. Готов.

Отвернув, Долгушин выдал очередь по следующему – снаряды разворотили «Накадзиме» капот, превращая мотор в кусок горячего железа. Истребитель, пролетев немного по инерции, камнем пошел вниз. Вычитаем еще один...

– Пятый, Пятый! «Мессер» на хвосте! Тьфу... «Х...та»

эта!

Пятый моментально пошел в «горку», сделал «бочку» со снижением и ушел под своего преследователя, оказываясь за счет прибранного газа ниже «Накадзимы» метров на полста и в хвосте.

Сразу дав газ, Пятый сделал «горку», лоя «Хаятэ» в прицел. Замерцали огоньки, рассекаемые дульным тормозом, и японскому истребителю оторвало крыло – «Ки-84» закрутило штопором, да и ввинтило в землю на краю поля, зеленевшего гаоляном.

– Есть!

– Десятый, тяни вверх.

– Тяну-у...

– Смотри хвост!

– Ах ты, обезьяна сраная! Она еще стрелять будет!

– Внимание! Группе разворот!

– Кот, прикрой Второго!

– Не вопрос, командир.

– Змей, уходим вниз. Переворот!

– Паха, сзади сверху еще двое. Разворот!

– Разворот вправо на девяносто. Атакуем!

– Десятый, отбей!

– Так точно.

– «Котяра», на тебя сверху заходят!

– Пятый, прикрываешь.

– Повторяем атаку!

– Слева и выше!

– Группа, атакуем попарно!

Пара «лавочек» задымила и покинула строй, в небе раскрылась пара куполов. Строй японских истребителей, пережженных наполовину, распался – самые упертые продолжали сражаться, и их спустили по одному, а самые умные стали отходить к востоку.

– Группе Польшова! Догнать – и в землю вогнать!

– Есть вогнать! – донесся повеселевший голос майора.

«Ту-2» пошли на аэродром, где крыло к крылу стояли бомбовозы «Накадзима Ки-49 Донрю» и «Кавасаки Ки-48», отдаленно напоминавшие «Юнкерс-88».

Выйдя на боевое развертывание, «тушки» принялись «ткать ковровую дорожку», перепяхивая, перелопачивая все подряд – ангары, цистерны с топливом, самолеты, казармы, склады. Бомбы валились и валились, не оставляя на поле живого места.

Вскоре огонь и дым покрыли весь аэродром непробиваемой пеленою.

– Цель накрыта! – разнесся в эфире удовлетворенный голос.

– Я – Четырнадцатый. Группа, внимание. Всем встать на свои места. Уходим!

Долгушин договорил и ухмыльнулся: мавры сделали свое дело...

Глава 7

Рейд на Сасэбо

Японская империя, 5 июля 1945 года

Весной полковник Челышев едва не вышел в генералы. Однако стоило ему узнать, что высокое звание отлучит от живого дела, от полетов, как Егор сразу, хоть и вежливо, отказался, сославшись на то, что будет нужнее Родине в небе, чем в штабе.

А тучи над СССР сгущались, этого не скрывала даже «Правда» – с нового, 45-го года в газете стали появляться статейки о варварских налетах английской и американской авиации на города Германии, о бомбежках жилых кварталов и госпиталей, о том, как немцы поневоле приветствовали Красную Армию, чьи истребители отгоняли «союзников».

Писали в газетах даже о танкистах Роммеля, гонявших по пустыне англичан, о трусоватых янки, которые целыми эскадрами и дивизиями личного состава осаждали какой-нибудь паршивенький островок, клочок суши и месяцами не могли выбить оттуда японцев, стойко державших оборону.

Публиковались очерки об американцах – пухлых здоровяках-анацефалах, у которых всегда улыбка до ушей. О надменных британцах, чей некогда грозный лев стал комнатной собачкой в Белом доме.

Никто пока не называл англосаксов врагами, но, как говорили римляне, «сапиенти сат» – умному достаточно.

Тема возможного альянса с Японией была закрыта и нигде не освещалась, но слухи о возможном союзе с императором ходили. Для микадо это был единственный шанс если не спасти страну от позора поражения и оккупации, то хотя бы сохранить лицо. Вот только Хирохито играл в молчанку.

РККА стремительно овладевали Маньчжурией, а Токио все упрямылся, не желая признавать очевидное.

Наверное, именно поэтому Верховное главнокомандование отдало приказ о бомбардировке крупнейшей базы императорского флота в Сасэбо. Надо было дать понять микадо, что шутки кончились, пора принимать решение, делать выбор.

Основным категорическим требованием приказа было – не допустить жертв среди мирного населения. Да, СССР находится в состоянии войны с Японией, но его Красная Армия никогда не уподобится англосаксонским варварам, сбрасывавшим зажигательные бомбы на Токио, где основная масса домов – деревянные хижины. Сто тысяч токийцев сгорели заживо, задохнулись в дыму или были растерзаны взрывами.

Сталин, затеявая налет на Сасэбо, как бы дистанцировался от «союзников», вежливо напоминая: мы не воюем с рисоводами, рыбаками, гейшами, рабочими или немощными стариками, у которых одна радость в жизни – раз в неделю

выбраться из дому, чтобы хлебнуть подогретого sake.

Несколько эскадрилий Aviации дальнего действия перебазировались на Дальний Восток еще в июне, а экипажи Егора Чельшева едва ли не самыми первыми.

Освоившись на аэродроме Суходол, «Ту-10» вылетали бомбить военные городки и УРы Квантунской армии, а транспортники выбрасывали воздушный десант у Мулина, Харбина, Мукдена.

5 июля девятка «тушек» готовилась к рейду на Сасэбо.

Стоя у карты на КП, полковник Чельшев поставил перед летчиками боевую задачу:

– Следует нанести массированный удар по главной японской военно-морской базе в Сасэбо всеми наличными экипажами полка. На военной судовой верфи Сасэбо строятся и ремонтируются десятки кораблей, но как раз доки трогать мы не будем – там работают пятьдесят тысяч человек, а с труженниками тыла мы не воюем. Там же и по соседству, в Омуре, строят самолеты палубной авиации. Это и есть наши цели – аэродром и боевые корабли в бухте. По самолетам!

Получив задание, летчики разбежались по боевым машинам. Чельшев с экипажем зашагал к своему «Туполеву».

Рослый техник с загорелым, обветренным лицом шагнул навстречу и взял руку под козырек фуражки:

– Товарищ полковник! Самолет номер семь к боевому вылету готов. Доложил техник-лейтенант Чуканов.

– Добро, – принял рапорт Егор. – Сейчас посмотрим вашу

работу. Пошли?

Майор Ткачук сразу полез к бомбоотсекам, старшина Кибаль дотошно проверял радиоприборы, сам Чельшев занялся осмотром моторов. Всем дело нашлось – десять человек в экипаже! Не хухры-мухры.

– Внимание! Ракета! – крикнул Чуканов.

– По местам! – скомандовал Чельшев.

Аэродромная тишина наполнилась мощным рокотом моторов, и бомбардировщики гуськом потянулись к взлетной полосе.

Пройдя в кабину, комполка уселся в кресле поудобнее и деловито спросил:

– Экипаж! У вас к полету все готово? Тогда запускаем.

* * *

Летом Японское море отливало зеленью, но чем дальше на юг, тем больше в водах проявлялось синевы. По прямой до Сасэбо было чуть более тысячи километров – японская база располагалась на западном побережье острова Кюсю, напротив Нагасаки.

Место для базы выбирал сам адмирал Того, тот самый, что устроил Цусиму русскому флоту. Сасэбо расположена в глубине узкой длинной бухты, как бы на дне бутылки с узким горлышком. Защитить базу от кораблей противника легко, но вот от удара с небес...

К исходу второго часа полета прямо по курсу показался гористый берег.

– Точно вышли! – сказал штурман. – Кюсю!

– Как только можно жить на острове с таким названием? – проворчал второй пилот. – Сплошное мусю-пусю!

– Цель по курсу!

Чельшев включил внешнюю связь и сказал:

– Внимание, орлы! Цель видите? Она слева. Сейчас будем делать боевое развертывание. – И властно приказал: – Слушать всем! Звеньям перестроиться в колонну! Удар нанести с девяти тысяч звеньями. Два захода. Приготовиться! Начали!

Едва комполка вывел головное звено на боевой курс, как молчавшие зенитки открыли огонь, вот только бомберы шли слишком высоко, чтобы замечать все эти хлопья разрывов, что пушились гораздо ниже.

– Пора, командир! Разворот!

Впереди открылась вся бухта Сасэбо – курились дымы заводов, в доках сверкали огни сварки. В самой гавани было полно плавсредств – мелочь, вроде миноносок и канонерок, тулилась у причала, а большие корабли стояли на рейде.

Даже с высоты было заметно, что к «бочкам» пришвартовано всякое старье – у иных даже шпироны в носу. Древность.

– Внимание! Приготовиться!

– Готов! – ответил штурман-оператор. – Первый пошел!

Сброс!

Открылись люки переднего бомбоотсека, и планирующая бомба УБ-500 «Чайка» плавно выпала наружу.

Ее ЖРД сработала, толкая «Чайку» вперед, в поле зрения оператора – бомба больше напоминала ракету, обтекаемую, с короткими крыльями и стабилизаторами.

Вспыхнул, раскалился красный трассер, и штурман мягко двинул рычажок, выводя бомбу на цель – большой трехтрубный крейсер времен Первой мировой.

«Чайка» заскользила вниз, ведомая радиолучом.

До гавани было еще километров восемь, а планирующая бомба уже пикировала на цель.

– Второй пошел! Сброс!

– Третий пошел!

«Чайки» опережали «Ту-10», они летели далеко впереди и внизу, калясь красными точками трассеров – вся эскадрилья «отстрелялась», более двадцати УБ-500 – целая стая «Чаяк» – летело точно в цели, направляемые умелыми руками.

Бомбы взорвались вразнобой – пробивая палубу, они вскрывали ее, задирая кверху броневые плиты. Клубы яростного огня поднимались над кораблями, закручиваясь грибовидными облаками. Редко какая из «Чаяк» промахивалась – Челышев насчитал всего два столба воды и пара, поднятых рядом с бортами кораблей.

– Я – ноль седьмой! – сказал Челышев. – Звену Диговце-

ва заняться аэродромом, звену Хоменка – миноносцами, головное работает по кораблям. Второй заход!

Три бомбера плавно развернулись над сопкой Юмихари, направляясь к военному аэродрому. Им навстречу уже взлетали истребители-перехватчики. Чельшеву было видно, как застрочили нижние турели на «тушках», не подпуская близко японские самолеты. Один из них лопнул в воздухе, распадаясь на части, другой задымил и стал выражать, уходя с линии огня.

А бомбардировщики открыли люки, освобождаясь от здоровенных фугасок, каждая весом в тонну. «Тонки» полетели вниз, прямо на поле, заставленное самолетами. Несколько истребителей выруливали, собираясь взлетать, но тут ухнули бомбы, вздыбливая целые горы земли и обломков. Воронки были такие, что в каждой из них можно было спокойно, со всеми почестями, похоронить самолет, а ударная волна хорошо различалась с высоты – этакое смутное кольцо, которое быстро расширялось во все стороны, пригибая траву или сметая пыль с бетонных полос, а самолеты на стоянках сдувало, словно листья с дорожки в саду. Истребители «Кавасаки» и «Накадзима» подпрыгивали, скользили, разгребая почву стойками шасси, как граблями, переворачивались, кувыркались, ломали крылья или лопались, устилая все вокруг ошметками дюраля и битым плексигласом.

Миноносцы, кучковавшиеся у причала, стояли тесно, борт к борту, поэтому капитан Хоменок не особо-то и целил-

ся – и без того не промахнешься. Вот одна из «тонок» упала между двух миноносок, и в то же мгновение необузданный смерч белой пены, пара и грязного дыма взвился вверх, расшвыривая корабли – левый опрокидывая, правому вскрывая борт. Вторая авиабомба угодила точно по мостику миноносца, прошла конструкции и рванула чуть ли не у самого днища, почти переламывая судно. И пошло, и поехало...

Чельшев, любуясь делом рук – своих и товарищей, – завершил разворот.

– Пошел!

«Ту-10» ошутимо встряхнулся, освобождаясь от десятка тонн смертоносного груза. Одна из бомб сработала у борта горящего крейсера и обрушила на корабль кубометры воды, будто стараясь потушить пожар. На самом деле взрыв продалил, проломил бортовую броню, и вода хлынула в трюм. Корабль начал ошутимо крениться.

Старый, если не сказать старинный, линкор открыл огонь из зенитных орудий по «тушкам». Видимо, его капитан счел за лучшее не дожидаться, пока в него попадут, а развести пары и сняться с якоря, чтобы представлять из себя подвижную мишень.

Тактика сработала – сброшенная бомба лишь подбросила корму корабля.

– Доконаем? – спросил Ткачук деловито.

– Да пусть живет. Мы им и так тут Цусиму устроили!

Чельшев мельком глянул на берег – от доков бежали

тысячные толпы. Может, оценят «джентльменский налет»?
Красные звезды на крыльях видны хорошо...

– Слушать всем! Возвращаемся. Курс домой!

Глава 8

Засада на «Синзана»

Маньчжурия, 5 июля 1945 года

Про то, что маршал авиации регулярно вылетает на линию фронта, Василевскому было известно, но командующий отнесился к этому спокойно – штаб ВВС фронта работал четко, без замечаний. Находит командующий авиацией время для боевых действий – ну и прекрасно. Лишь бы не во вред делу.

А сам Жилин был спокоен на свой счет. Чему быть, того не миновать – на войне волей-неволей уверуешь в судьбу. Шальной снаряд может сбить твой самолет, но с той же вероятностью он способен угодить в штабной кунг. На войне от смерти не уберешься, да и не верил Иван, что его убьют, не покидала такая уверенность. Господи, войны-то той – полторы недели!

С утра было 5 июля, осталось всего ничего.

В час пополудни Жилин вылетел в составе группы из двух эскадрилий к городу Мишань, осажденному войсками 1-й Краснознаменной армии. Туда же направлялись японские бомбардировщики, желая нанести урон РККА.

Три девятки бомбовозов «Йокосука-Гинга» и три четырехмоторных «Синзана». Последних и вовсе четыре штуки

построили – тяжеловатым получился бомбовоз.

Японские конструкторы еще не брались за большие машины, поэтому схитрили – компания «Императорские авиалинии Японии» купила американский «Дуглас – Ди-Си 4 Е» и передала его воякам.

Те, однако, не преуспели, да и сами штатовцы вскоре отказались от данной модели. Но «Синзан» летал.

Шесть пулеметов, четыре тонны бомб...

В этом вылете 3-й эскадрильей командовал сам Жилин – комэск Афонин признался, что ему «не по себе как-то», если один из пилотов – маршал авиации. Иван не спорил.

– Я – Змей! Пролетаем Мишань.

– Принял, – ответил Жилин. – Я – Варяг! Вызываю Грифа!

Гриф – Гриша Фалин, пилот самолета-разведчика «Су-12» – тут же отозвался:

– Гриф на связи! Наблюдаю противника! Двадцать семь средних бомберов и три тяжелых! Курс девяносто. Истребители сопровождения – типа «Зеро», числом до двенадцати.

– Вас понял, Гриф.

Иван посмотрел вверх – «Су-12», выполненный по двухбалочной схеме, как знаменитая немецкая «рама», медленно полз в вышине. Позывной «Гриф» полностью отвечал ситуации – «Су-12» парил на большой высоте, ему сверху было видно все.

– Я – Варяг! Группа, внимание! Курс – двести семьдесят. Идем с набором!

«Мигари» пошли с форсажем, задирая носы. Земля вокруг словно расширялась, из-за хребтов всплывали все новые и новые горные гряды.

– Вижу самолеты противника! – оповестил группу старлей Краюхин. – Красиво идут, «Йоко-суки».

Самолеты шли строем на высоте четыре тысячи метров – три девятки бомберов «Гинга» впереди, за ними следовали «Синзаны» – их крылья, отягощенные моторами, отходили от фюзеляжей приподнято, тупым углом. Восьмерка «Зеро» прикрывала бомбардировщики сверху, четверка – снизу.

Тяжелый гул наплывал, грозя.

– Я – Варяг! Четверке Зорина заняться «верхними», четверке Строгова – «нижними». Остальные атакуют бомбовозы. Северцев! Идешь за мной, будем бить ведущего первой девятки. Вальцев! Бьешь крайнего слева. Беньковский! Твой – крайний справа. Атакуем!

Восемь «МиГов» разошлись. Четыре истребителя понеслись вниз, нанося «соколиный удар» японским «нулям», прикрывавшим бомберы сверху, а две другие пары, мимоходом запалив одну из «йоко-сук» (как сочно акцентировал это название Краюхин), вышли из пике и ударили по истребителям противника снизу.

От залпа 37-миллиметровой и пары 23-миллиметровых пушек уберечься трудно, а еще сложнее пережить его. Два «Зеро» сразу посыпались вниз – один потерял крыло, другому разнесло мотор.

Оставшаяся пара огрызалась, строча из пулеметов. Самолет комзвена Строгова едва не попал под удар ведомого пары – японец расходившимся по курсу маневром «ножницы» вышел ему в борт. Выдал очередь, вот только Строгов был быстрее, и пули со снарядами прошли мимо. Да, «Зеро» – это вам не что-нибудь. Две пушки да пара пулеметов. Опасный зверек...

– Краюхин, прикрой! Атакую!

– Добро!

Жилин отвернул, с пике обстреливая «Гингу», летевшую во главе девятки. Пушчонки размолотили кабину, бомбовоз свалился на крыло и почти отвесно полетел к земле. Врезался в склон сопки и покатился грохочущей лавиной – фугаски рвались, ломая деревья.

Клин бомбардировщиков, потеряв вожака, начал рассыпаться, однако назад не повернул. Немецкие «Юнкерсы» обычно, стоило только сбить ведущего, мигом вспоминали, чья шкура ближе к телу, – вываливали бомбы куда придется и драпали. А вот японцы сумели организовать... Или это тот самый азиатский напор, когда пилоты надрываются в кабинах, орут «банзай», а все остальное – судьба?

– Северцев! Второй заход!

– Есть второй заход!

Пулеметы «Гинги» долбили без перерыва, пуская трассеры веерами, но у Жилина опыт был. Сколько он сбил бомбардировщиков, уже и не упомнить. Штук семьдесят как ми-

нимум...

В эфире зазвучали голоса японских пилотов:

– Тэнно-хейко-банзай!

– Яриман! Кисамара! Дзаккэнае!¹²

Иван зашел сбоку, выворачивая самолет и атакуя в положении «вверх колесами». Мелькнуло крыло «Гинги», в котором множились рваные дыры. Запарил, забрызгал серой моросью бензин и как-то нехотя загорелся.

– Северцев! Добавь!

– Уже!

Два или три снаряда разбили мотор, и бензин полыхнул, охватывая плоскость. Рванул, выворачивая края обшивки и оголяя нервюры – «кости» крыла. Пилот «Гинги» поневоле снизил высоту и опорожнил бомбоотсек – фугаски разорвались внизу, поднимая дыбом поле, засеянное чумизой.

«Зоринцы» уже расправились с двумя «Зеро» и гонялись за оставшейся парой. Беньковский разделался с бомбовозом на фланге и накинулся на следующего в очереди.

Самолет Краюхина промчался мимо жилинского «мигаря» – как-то тяжеловато промчался. Ничего удивительного – половина фюзеляжа в дырках!

– Краюхин! Как жизнь?

– Нормально, командир!

– Не дует?

– Не-е! Мотор шепчет!

¹² Наиболее грубые японские ругательства.

– Северцев, набираем высоту!

– Есть!

Оба «МиГа», надрывно воя, пошли в небо. С высоты было хорошо видно, сколько сбитых осталось по пути следования бомбовозов – черные столбы дымов уходили в небо.

Первая эскадрилья тоже постаралась – та девятка, что шла справа, превратилась в тройку.

– Северцев, атакуем «больших»!

– Так точно!

«Синзаны» летели, соблюдая строй, как будто ничего не происходило вокруг.

Жилин свалил самолет в крутое пике и открыл огонь с километровой дистанции – снаряды рвали и терзали крыло вокруг одного из моторов бомбовоза. Винт прокрутился и замер, двигатель задымил.

Борт стрелки палили, сжигая стволы пулеметов, но особого вреда «мигарям» не нанося.

– Северцев, бьем эрэсами!

– Бьем, командир!

Истребитель был «затарен» не полностью – под крыльями оружейники подвесили всего по четыре РС-132, чтобы не отяжелять «МиГ».

Два эрэса ударили «Синзану» в борт, и Жилин, сам не желая того, попал в яблочко. То есть в бомбоотсек.

Взрыв получился со «спецеффектами» – вся середина самолета восклубилась огненной тучкой, одно крыло налево,

другое направо, нос закувыркался вперед, следом полетел хвост.

Осколки и разлетевшиеся обломки задели «Синзан», следовавший сбоку и сзади, – борт испестрили пробоины, один из моторов заглох. Для четырехмоторной машины это было не критично, но Жилин с Северцевым «помогли» – добавили по две короткие очереди, сберегая боеприпас.

– Попал, командир!

Остановился еще один из двигателей, рядом с задымившим, и «Синзан» плавно накренился – с одним крылом далеко не улетишь. Теряя высоту, здоровенный бомбовоз заскользил вниз и вбок. Распахнулись бомболюки, высыпая свой убийственный груз. Самолету малость полегчало, но подъемной силы не прибавило – опущенное крыло чиркнуло по сосняку на склоне сопки, пропахало борозду и отломилось, а «Синзан» с нелепо задранной плоскостью так и упал, взрывая землю, сминая фюзеляж, распарывая листы дюраля.

– Я – Варяг! Группа, внимание! Все атакуем слева!

Истребители сместились, оставляя в покое единственный уцелевший «Зеро». Тот заметался и вдруг бросился в пике. Он не был подбит или даже задет, но, по всей видимости, японский легчик решил, что позор разгрома лучше не переживать.

Со всей скорости «Зеро» врезался в землю, одновременно забуриваясь и разлетаясь на мелкие кусочки.

– Молодец! – прокомментировал Аганин. – Нам боепри-

пас сэкономил!

– Атакуем!

Плотный огонь с левой стороны вызвал понятную реакцию – уцелевшие бомбардировщики подались вправо, немного меняя курс.

Лишившись истребителей-«овчарок» и «пастухов»-ведущих, самолеты летели туда, куда их вел Жилин, – на позиции зенитной батареи.

Боекомплект на «МиГах» заканчивался, пора было передавать противника «по эстафете» – пускай зенитчики тоже постреляют.

– Расходимся по флангам!

– Есть, командир!

– Я – Варяг! Вызываю пэвэошников! Ермаков, ты где?

– На позиции! Ждем!

– Приготовиться!

– Готовы!

«Волки» привели «стадо» на бойню.

100-миллиметровые зенитные орудия зачастили, поражая цели. Неподалеку в лесочке пряталась радиолокационная СОН – станция орудийной наводки – двухосный фургончик с решетчатой тарелкой антенны на крыше.

Зенитки долбили с частотой пятнадцать выстрелов в минуту, бомбовозы не выдерживали и одного попадания снаряда, а белых и черных облачков разрывов хватало.

Бомберы заматались, попав в засаду, вот только уйти им

было трудновато – наведением пушек в упреждающую точку «занимался» гидросиловой привод, да и весь процесс уничтожения был механизирован – установка взрывателя, до-сылание, закрытие затвора, выстрел, открытие, экстракция гильзы. Так что все происходило быстро и четко – снаряды отламывали «Гингам» хвосты и крылья, выдирали моторы, разносили кабины в частом переплете. Бомберы падали, разваливаясь, металась в воздухе, пытаясь то ли увернуться, то ли скрыться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.